

И О В Ъ И Ў
М И Р

8

1988

НОВЫЙ МИР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1925 г.

№ 8

Август, 1988 г.

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
ОЛЕСЯ НИКОЛАЕВА — Попытка толкования, стихи	2
ЮРИЙ ДОМБРОВСКИЙ — Факультет невужных вещей, роман. Публикация К. Ф. Домбровской-Турумовой. Вступительное слово Ф. Искандера	5
НАТАН ЗЛОТНИКОВ — Вольные страсти, стихи	140
ГАБРИЕЛА АДАМЕШТЯНУ — Тетя Вика, рассказ. Перевела с румынского Татьяна Иванова	142
ВЛАДИМИР КОРНИЛОВ — Пять стихотворений	160
УИЛЬЯМ БАТЛЕР ЙЕЙТС — И с древа золотого петь живущим, стихи. Пе- рел с английского Григорий Кружков	163

ИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

НИКОЛАЙ КЛЮЕВ В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ: ПИСЬМА И ДОКУ- МЕНТЫ. По материалам семейного архива. Публикация, вступительная статья, подготовка текстов и комментарии Г. С. Клычкова и С. И. Суб- ботина	165
--	-----

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

БОРИС ЧЕРНЫХ — Пахари и «мудрецы». Из истории одного колхоза	202
--	-----

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

А. ЛАТЫНИНА — Колокольный звон — не молитва. К вопросу о литера- турных полемиках	232
КСЕНИЯ МЯЛО — Оборванная нить. Крестьянская культура и культурная революция	245

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Литература и искусство	258
Наталья Иванова. О «ручном мужике», «Семкиной работе» и беглой ли- шенке Ваське.	

ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ

ИГОРЬ ГРЯЗИН — Правовое государство	266
КНИЖНЫЕ НОВИНКИ	272

© Журнал «Новый мир», 1988.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИЗВЕСТИЯ СОВЕТОВ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ СССР»
Москва

ИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

НИКОЛАЙ КЛЮЕВ В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ: ПИСЬМА И ДОКУМЕНТЫ

По материалам семейного архива

В 1934 году Николай Алексеевич Ключев был выслан органами ОГПУ из Москвы по ложному обвинению в «кулацкой агитации» (по статье 58¹⁰ тогдашнего Уголовного кодекса РСФСР). В начале июня того же года поэт оказался в поселке (ныне городе) Колпашево, на территории Нарымского края. Спустя несколько дней он разослал многим своим друзьям и знакомым письма с просьбами о помощи. Среди его адресатов были С. А. Толстая-Есенина и дирижер Н. С. Голованов, певица Н. А. Обухова и ее подруга Н. Ф. Христофорова-Садомова, молодой художник А. Н. Яр-Кравченко... И конечно, очутившись в таком гяжелом положении, Ключев не мог не написать своему многолетнему творческому соратнику — Сергею Антоновичу Клычкову, чья поэзия и проза стали заметным явлением в русской литературе первой трети нашего столетия.

Ключев и Клычков познакомились еще в начале 1910-х годов. Личные встречи поэтов вплоть до 30-х годов были не частыми, ибо жили они до той поры в разных местах. Но их творческое общение, без сомнения, имело большое значение для них обоих — не случайно критика почти сразу же причислила их к тому направлению отечественной литературы начала века, за которым вскоре укрепилось название «новокрестьянская поэзия». Ключев высоко ценил лирику молодого Клыčkова, вошедшую в его первые книги «Песни» (1911) и «Потаенный сад» (1913), эти стихи он назвал хрустальными песнями. А когда в печати появился роман Клыčkова «Чертухинский балакирь» (1926), Ключев написал автору: «Низко тебе кланяюсь за твою прекрасную книгу Балакирь. После Запечатленного ангела (повесть Н. С. Лескова.— Г. К., С. С.) это первое писание — и меч словесный за русскую красоту. Радуюсь и величаюсь тобой!»¹

В 20—30-е годы оба поэта (творчество которых, как и в дни их молодости, продолжало питаться родниками русского народного искусства и великой древнерусской культуры) подвергались ожесточенным преследованиям со стороны «ненстовых ревнителей», задававших тон в Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП). Тогдашняя Литературная энциклопедия объединила имена Ключева и Клыčkова в контексте откровенно очернительского характера: «Он (Клычков.— Г. К., С. С.) является верным учеником отца современной кулацкой литературы — Ключева, учеником, весьма добросовестно развившим в отдельных своих стихах (и в особенности в прозе) мистическую средневековщину, почерпнутую из русского фольклора»².

Сейчас, когда произведения Ключева и Клыčkова переизданы в современный читатель может по достоинству оценить как глубину их творческих исканий, так и их незаемное место в русской литературе, ярлык, выданный поэтам в те годы Литературной энциклопедией, воспринимается, мягко говоря, как дикость. Но в то время данная «энциклопедическая» характеристика, по сути, освятила злопыхательскую кампанию, развязанную вокруг имен Ключева и Клыčkова. Через несколько лет это привело их к гибели.

Сами поэты очень остро ощущали вопиющую несправедливость гонений на их творчество. Отвечая на нападки в связи с публикацией поэмы «Деревня», Ключев с исключительным достоинством писал во Всероссийский союз писателей: «Просвещенным

¹ Оригинал в ЦГАЛИ. Впервые эти строки опубликованы английским славистом Г. Маквеем («Oxford Slavonic Papers: New Series», 1984, vol. XVII, p. 108).

² Литературная энциклопедия. М. 1931, т. 5, стб. 320.

и хорошо грамотным людям давно знаком мой облик как художника своих красок и в некотором роде туземной живописи. Это не бравое «так-точно» царских молодцов, не их формы казарменные, а образами живущие во мне заветы Александрия, Корсуни, Киева, Новгорода от звуков велесовых до Андрея Рублева, от Даниила Заточника до Посошкова, Фета, Сурикова, Нестерова, Бородина, Врубеля и меньшого в шатре Отца — Есенина. Если средиземные арфы живут в веках, если песни бедной, занесенной снегом Норвегии на крыльях полярных чаек разносятся по всему миру, то почему же русский берестяный Сирий должен быть ошпан и казнен за свои многопестрые колдовские свирели — только лишь потому, что серые, с невоспитанным для музыки слухом обмолвятся люди, второпя и опростоно утверждая, что товарищ маузер сладкоречивее хоровода муз? <...> Я отдал своим искреннейшие песни революции (конечно, не поступая своеобразием красок и языка, чтобы не дать врагу повода для обвинения меня в неприкрытом холопстве)³. Клычков, буквально задыхавшийся от многолетних обычных обвинений, выразил свое отношение к ним (выступая на одном из заседаний писательского союза в мае 1932 года, уже после роспуска РАППа) такими словами: «...будут ли в новом Союзе применяться цирковые дрессировочные приемы РАППа, будут ли использоваться способы наказаний, которые напоминают глубокую древность, когда человека, подошедшего не с достаточным благочестием к священному древу, прибывали за конец кишки и заставляли бегать вокруг этого Древа этого случайно провинившегося чудака? Дорогие товарищи, годов так пять сам лично я в таком положении пробегал у мамрийского дуба РАППа, на большую половину я свои кишки вымотал, теперь, когда через очень короткое время, возможно, мне пришел бы конец, я начинаю вматываться обратно. (С м е х.) Товарищи, чего вы смеетесь, мне очень трудно говорить, потому что я-то открыт и откровенен, и разве моя боль вас смешит, а не причиняет вам того же страдания?»⁴

Время показало, что опасения Клычкова (по крайней мере в отношении его самого и Клюева), к несчастью, оправдались: Клюев был изгнан из общества еще до I съезда писателей (который он встретил в Колпашеве), а Клычкову с начала 30-х годов и вплоть до ареста в 1937 году было дозволено пробавляться лишь переводами и редактурой — оригинальных его произведений не печатали.

Когда Клюев обратился из Колпашева за помощью к Клычкову, он вряд ли мог знать, насколько сильно было тогда поколеблено душевное равновесие его адресата. Н. М. Гарина, помнившая молодого Клычкова, по ее словам, «крепким красивым парнем», так описала двадцать с лишним лет спустя встречу с ним: «В 34-м году я встретила Клычкова в последний раз... И была потрясена той жуткой перемен<ой>, которая с ним произошла... Осушувшийся... Дряблый... Растерянный... Разбросанный — он выглядел значительно старше своих лет...»⁵ И тем не менее Клычков нашел в себе силы хлопотать за Клюева перед Оргкомитетом Союза советских писателей, А. М. Горьким как его руководителем, а также, по-видимому, и перед другими людьми, позиция которых могла изменить положение ссыльного Клюева в лучшую сторону (см. письмо 5). В итоге между 6 и 11 октября 1934 года Клюев был переведен из Колпашева в Томск.

Не позже сентября 1934 года начинается переписка Клюева и с женой Клычкова Варварой Николаевной Горбачевой (см. письмо 6). После перевода поэта в Томск она становится его единственным корреспондентом из семьи Клычковых — с этого времени прямой обмен письмами между Клычковым и его ссыльным собратом прекращается (надо думать, по обоюдному согласию, чтобы лишний раз не привлекать к Клычкову нежелательного внимания).

В. Н. Горбачева была широко образованным человеком, серьезно занималась литературоведческими разысканиями и философией. Обучаясь на филологическом факультете МГУ, она активно включилась в работу университетского Тургеневского семинария. Итогом участия В. Н. Горбачевой в нем стала ее книга «Молодые годы Тургенева (по неизданным материалам)» (1926), в которой проведен интересный анализ философских взглядов молодого Тургенева. В 30-е годы (думается, при участии С. А. Клычкова) занималась литературным трудом; в 1936 году под псевдонимом Варвара Арбачева была опубликован ее роман «Чернышевский». Все, кто знал В. Н. Гор-

³ «Русская литература», 1979, № 1, стр. 94.

⁴ «Oxford Slavonic Papers...», vol. XVII, p. 103.

⁵ Отдел рукописей Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР (далее — ИРАИ), ф. 736, ед. хр. 66, л. 2.

бачеву, помнят ее сильный характер, упорство и настойчивость в достижении цели и исключительную обязательность по отношению к окружающим. Эти ее качества, без сомнения, давали опору и ей и близким ей людям в преодолении тягот, вскоре обрушившихся на них. Именно В. Н. Горбачева в 1935—1937 годах не прекращала хлопотать об облегчении участи Клюева и регулярно помогала ему материально. Обо всем этом стало известно совсем недавно из клюевских писем и других документов, обнаруженных в семейном архиве Клычковых (далее сокращенно — АК).

Варваре Николаевне суждено было, говоря клюевскими словами, «оставаться близ креста» обоих поэтов вплоть до их трагического ухода в небытие. Она проявила немалую силу духа и после ареста своего мужа летом 1937 года — несмотря ни на что, письма Клюева из ссылки были ею сохранены и в конце концов дошли до наших дней.

Ниже мы публикуем все найденные к настоящему времени в АК письма поэта из Сибири (и два его письма того же периода, взятые из других источников). Находясь в ряду документов драматической эпохи в истории нашей страны, эти письма обладают, кроме того, важной отличительной чертой — ведь автором их был, говоря словами самого Клюева, «поэт великой страны, ее красоты и судьбы» («...после двадцати пяти лет его поэзии в первых рядах русской литературы»), поэт, «переживающий зенит своих художнических способностей». Это делает сибирские письма Клюева значительным явлением отечественной словесности.

Размышляя над обнаруженными несколько лет назад (в извлечениях) клюевскими письмами из Колпашева и Томска к его близкой знакомой Н. Ф. Христофоровой-Садомовой⁶, В. Личутин точно уловил доминанту их звучания: «А письма Клюева не схожи ли с Аввакумовыми? Он тоже обращался к жалостному чувству, чтобы на Руси не иссякла милость (милостыня) как ошутимое духовное приобретение» («Октябрь», 1987, № 10, стр. 167). Это наблюдение писателя впрямую перекликается с высказыванием самого Клюева в первом же его письме Клычкову: «Кровь моя волей или неволей связует две эпохи: озаренную смолистыми кострами и запалами самосожжений эпоху царя Феодора Алексеевича и нашу, такую юную и потому многого не знающую».

Действительно, сибирские письма Клюева (естественно для него самого, но необычно для читателя нашего времени) ложатся в русло жанровых, стилевых (и иных) традиций литературы Древней Руси: среди этих писем есть и «челобитная», и «моления», и фрагменты житийного характера... Обращает внимание, что в разных письмах поэта встречаются дословные фразеологические повторы. В первом чтении они могут показаться (даже читателю-филологу) чем-то вроде навязчивого клише. Между тем и здесь проявляется органическая, генетическая близость индивидуального стиля Клюева-прозаика стилевым канонам древнерусской литературы: в своих письмах он стремится соблюдать литературный этикет (термин Д. С. Лихачева). Скажем, часто возникающая в его письмах фраза «Милосердие и русская поэзия будут (имярек) благодарны», по сути, является этикетной формулой. Клюев всегда употребляет ее там, где того требует этикет соответствующей ситуации («моления» о помощи). Точно так сделал бы на его месте любой древнерусский писатель...

За каждой строкой клюевских писем — крупная и неповторимая творческая личность, неотвратимо вовлеченная в трагический конфликт с эпохой. Но — вопреки всем бедам и напастям, как телесным, так и духовным, — поэт отстоял от гибели стержень своей уникальной натуры, оставшись «живым, живым и только, живым и только до конца». Письма его, предлагаемые ныне читательскому вниманию и сопереживанию, — неоспоримое тому свидетельство.

Письма публикуются в хронологическом порядке, по оригиналам, большинство которых (кроме писем 4 и 21) находится в АК. Письмо 4 (зарегистрированное под № 4395/1095) хранится в одном из отделов Государственного центрального музея музыкальной культуры имени М. И. Глинки — творческой лаборатории дирижерского мастерства Н. С. Голованова (ниже сокращенно — ТЛДМ); письмо 21 находится в частном собрании. Часть писем сохранилась не полностью; некоторые — в дефектном состоянии (с утратой части либо частей текста), что потребовало (если это оказывалось возможным) введения конъектур при подготовке их к печати. Все конъектуры (и купюры) в текстах, публикуемых ниже, обозначены угловыми скобками и в дальнейшем, как

⁶ См.: Субботин С., «Сибирские письма Николая Клюева» («Красное знамя» (Вытегра), 17, 19, 22, 24 октября 1985 года).

правило, специально не оговариваются. Недописанные части слов восстановлены и помещены в квадратные скобки. Ударения, обозначенные в тех или иных словах, проставлены самим поэтом.

Выражаем глубокую признательность М. С. Ивановой за предоставление письма 21 для публикации и М. И. Голгофской и А. А. Наумову, без чьей компетентной помощи невозможно было бы осуществить комментарий к письму 4 в его теперешнем виде. Сердечно благодарим С. С. Гейченко, А. Л. Казакова, В. Ф. Кропанева, В. Я. Лазарева, А. А. Пулину и В. В. Радзишевского за сообщенные ими сведения.

1. С. А. КЛЫЧКОВУ

«Колпашево, 12 июня 1934 г.»

Дорогой мой брат и поэт, ради моей судьбы как художника и чудовищного горя, пучины несчастья, в которую я повержен, выслушай меня без борьбы самолюбия. Я сгорел на своей Погорельщине¹, как некогда сгорел мой прадед протопоп Аввакум на костре пустозерском. Кровь моя волей или неволей связует две эпохи: озаренную смолистыми кострами и запалами самосожжений эпоху царя Феодора Алексеевича² и нашу, такую юную и потому многого не знающую. Я сослан в Нарым, в поселок Колпашев на верную и мучительную смерть. Она, дырявая и свирепая, стоит уже за моими плечами. Четыре месяца тюрьмы и этап³, только по отрывному календарю скоро проходящих и легких, обглодали меня до костей. Ты знаешь, как я вообще слаб здоровьем, теперь же я навсегда загублен, вновь опухоль, сильнейшее головокружение, даже со рвотой, чего раньше не было. Поселок Колпашев — это бугор глины, усеянный повторевшими от бед и непогодиц избами, дотуга набитыми ссыльными. Есть нечего, продуктов нет или они до смешного дороги. У меня никаких средств к жизни, милостыню же здесь подавать некому, ибо все одинаково рыщут, как волки, в погоне за жраньем. Подумай об этом, брат мой, когда садишься за тарелку душистого домашнего супа, пьешь чай с белым хлебом! Вспомни обо мне в этот час — о несчастном — бездомном старике поэте, лицемерие которого заставляет содрогаться даже причиненных к адским картинам человеческого горя спец-переселенцев⁴. Скажу одно: «Я желал бы быть самым презренным существом среди тварей, чем ссыльным в Колпашеве!» Небо в лохмотьях, косые, налетающие с тысячеверстных болот дожди, немолчный ветер — это зовется здесь летом, затем свирепая 50-градусная зима, а я голый, даже без шапки, в чужих штанах, потому что все выкрали в общей камере шалманы⁵. Подумай, родной, как помочь моей музе, которой зверски выколоты провидящие очи? Куда идти? Что делать? Что-либо ра <часть текста утрачена> ему⁶, как никому другому, следовало бы мне помочь. Он это сам хорошо знает. Помогите! Помогите! Услышьте хоть раз в жизни живыми ушами кровавый крик о помощи, отложив на полчаса самолюбование и борьбу самолюбий! Это не делает нас безобразными, а напротив, украсит всеми зорями небесными! <Часть текста утрачена.>

Прошу и о посылке — чаю, сахару, крупы, компоту от цинги, белых сухарей, пока у меня рвота от 4-хмесячных хлеба с водой! Умоляю об этом. Посылка может весить до 15-ти кило по новым почтовым правилам. Летним сообщением идет три недели. Прости меня за беспокойство, но это голос глубочайшего человеческого горя и отчаяния. Узнай, что с моей квартирой — соседи мои Швейцер⁷ тебе расскажут подробно. Ес<ть> ли какие надежды на смягчение моей судьбы, хотя бы перевода в самые глухие места Вятской губ[ернии], как, напр[имер], Уржум или Кукарка⁸, отстоящие от железной дороги в полтысячи верстах, но где можно достать пропитание. Поговори об этом Кузнецкий мост 24 с Пешковой⁹, а также о помощи мне вообще. Постарайся узнать что-либо у Алексея Максими́ча. Не может ли мне помочь Оргкомитет¹⁰ хотя бы денежным переводом. Нельзя ли поговорить с Бубновым¹¹? Подать ли во ВЦИК Калинин о помиловании¹²? Думаю, что тебе на свежую голову все это ясней, я вовсе оглох и во всем немощен. Бормочу с тобой, как со своим сердцем. Больше некому. Целую твои ноги и плачу кровавыми слезами. Благословляю. Егорушку, земно кланяюсь куме¹³ и крепко верю в ее милосердие. Не ищу славы человеческой, а одного лишь прощения, ото всех, кому я согрубил или был неверен. Прощайте, простите! Ближние и дальние. Мерзлый нарымский торфяник, куда стащат безгробное тело мое, должен умирить и врагов моих, ибо живому человеческому существу

большой боли и поругания нельзя ни убавить, ни прибавить. Прости! Целую тебя горячо в сердце твое. Поторопись сделать добро — похлопочи и напиши или телеграфируй мне: Колпашев, до востребования. Н. А. Ключеву.
12 июня 1934 г.

¹ «Погорельщина» — поэма Н. А. Ключева, законченная в 1928 году. Ее текст см.: «Новый мир», 1987, № 7, стр. 81—97.

² Федор (Феодор) Алексеевич (1661—1682) — русский царь с 1676 года.

³ Ключев был арестован 2 февраля 1934 года (см. письмо 10).

⁴ Ср.: «Население — 80%, ссыльных — китайцев, сартов, экзотических навазцев, украинцев, городская шпана, бывшие офицеры, студенты и безличные люди из разных концов нашей страны — все чужие друг другу и даже, и чаще всего, враждебные, все в поисках жранья, которого нет, ибо Колпашев — давным-давно стал обглоданной костью. Вот он — знаменитый Нарым! — думаю я. И здесь мне суждено провести пять звериных темных лет без любимой и освежающей душу природы, без привета и дорогих людей, дыша парами преступлений и ненависти! И если бы не глубины святых созвездий и потоки слез, то жалким скрюченным трупом прибавилось бы в черных бездонных ямах ближнего болота. Сегодня под уродливой дуплистой сосной я нашел первые нарымские цветы, — какие-то сизоватые и густо-желтые, — бросился к ним с рыданием, прижал их к своим глазам, к сердцу, как единственных близких и не жестоких. Они благоухают, как песни Надежды Андревны (Обуховой. — Г. К., С. С.), напоминают аромат ее одежды и комнаты. Скажите ей об этом. Вот капля радости и улыбки сквозят слезы за все десять дней моей жизни в Колпашеве. Но безмерно сиротство и бесприютность, голод и свирепая нищета, которую я уже чувствую за плечами. Рубище, ужасающие видения страдания и смерти человеческой здесь никого не трогают. Все это — дело бытовое и слишком обычное. Я желал бы быть самым презренным существом среди тварей, чем ссыльным в Колпашеве. Недаром остяки говорят, что болотный черт родил Нарым грыжей. Но больше всего пугают меня люди, какие-то полу-пы, люто голодные, безблагодатные и сумасшедшие от несчастий. Каким боком прилепиться к этим человекообразным, чтобы не погибнуть? Но гибель неизбежна. Я очень слаб, весь дрожу от истощения и от не дающего минуты отдохновения больного сердца, суставного ревматизма и ночных видений. Страшные темные посещения сменяются областью загробного мира. Я прошел уже восемь демонских застав, остается еще четыре, на которых я неизбежно буду обличен и воплощусь сам во тьму. И это ожидание леденит и лишает теплоты мое земное бытие. Я из тех, кто имеет уши, улавливающие звон березовой почки, когда она просыпается от зимнего сна. Где же теперь моя чуткость, мудрость и прозорливость?» (из письма Н. А. Ключева Н. Ф. Христофоровой-Садомовой от 10 июня 1934 года. — ИРЛИ, р. 1, оп. 12, ед. хр. 534, лл. 1 об. — 3; об адресате этого письма см.: Субботин С., «Сибирские письма Николая Ключева». — «Красное знамя» (Вытегра), 17 октября 1985 года).

⁵ Ср.: «У меня нет никакой верхней одежды, я без шапки, без перчаток и пальто. На мне синяя бумажная рубаша без пояса, тонкие бумажные брюки, уже ветхие. Остальное все украли шалманы в камере, где помещалось до ста человек народу, днем и ночью прибывающего и уходящего. Когда я ехал из Томска в Нарым, кто-то, видимо узнавший меня, послал мне через конвояра ватную короткую курточку и желтые штiblеты, которые больно жмут ноги, но и за это я горячо благодарен» (там же, лл. 4—4 об.).

⁶ Скорее всего речь идет здесь о повте Павле Васильеве (1910—1937). См. письмо 5, прим. 2.

⁷ Сведения об этих людях пока не обнаружены.

⁸ Кукарка — ныне Советск, районный центр Кировской области.

⁹ Пешкова Екатерина Павловна (1876—1965) — общественная деятельница; работала в Политическом Красном Кресте.

¹⁰ Имеется в виду Организационный комитет Союза советских писателей СССР, созданный в 1932 году.

¹¹ Бубнов Андрей Сергеевич (1884—1940) — в то время народный комиссар просвещения РСФСР.

¹² См. ниже заявление Ключева во ВЦИК.

¹³ Здесь и ниже Егорушка — сын С. А. Клычкова, крестник Н. А. Ключева, один из авторов данной публикации; кума — Горбачева (Клычкова) Варвара Николаевна (1901—1975), см. о ней вступительную статью.

2. С. А. КЛЫЧКОВУ

«Колпашев, 12 или 13 июля 1934 г.»

Дорогой брат и поэт, получил твою телеграмму из Новосибирска — благодарю за нее и за твои хлопоты. Денег и посылку еще не получал (сегодня 13ое июля). Жду от тебя письма. Прилагаю при сем два моих заявления¹, которые и прошу лично передать по назначению. И немедленно письмом сообщите мне дословно — все, что ты услышишь и увидишь. В таки <х> бедствиях, как мое, люди продают своих детей в рабство, чтобы спасти хотя бы малое что. Земно

тебе кланяюсь и целую ноги твои, плача кровавыми слезами, — потрудишься без шума и без посторонних глаз и ушей — вручить мои заявления по назначению. Если же ты поделишься ими с кем-либо заранее, то знай, что провал обеспечен, ибо сейчас же все попадет в кружало 25 — Тверской бульвар² и оттуда по всей Москве. Особенно постараются разные поэтические звезды. Говорю это со всей тревогой и серьезностью. Также нужно не завалить заявления, а приступить к делу немедленно, чтобы мне ответ получить до наступления зимы, когда Нарым отрезан на девять месяцев ото всего мира. С ужасом жду зимы. Я — нищий, без одежды и без хлеба. Умоляю Владимира Кириллова³ подарить мне оленьи пимы и шапку, которые он привез с Большой тундры. Они у него все равно погибнут от моли и полной ненужности. Поговори с ним, не волоча времени. Это было бы моим спасением от 60-градусной Нарымской зимы.

Пимы и шапка — укупорки не требуют — завернуть покрепче в газеты, зашить в тряпку и послать мягкой Ценной посылкой. Только непременно Ценной, иначе может потеряться. Посылка идет с Москвы месяц, письмо 15—17 дней. За всякий кусок, за каждый рубль стираю к твоим ногам сердце свое. Лучшее всего, если бы ты сам взял у Кириллова помянутые вещи и потрудился лично выслать. Мне большого труда стоило разыскать сносной бумаги и написать эти заявления. Бумаги здесь нет. Прошу тебя и о ней. Также нельзя ли достать хинина из Кремлевской аптеки от малярии. Это страшное явление не минет меня — оно здесь повально. Умоляю об этом! Прощай, прости! За грубость, но не за холод сердца, ибо такого греха перед тобой я не знаю. Прощай, милый и любимый! Кланяюсь Варваре Николаевне, благословляю Егорушца. Завещаю тебе в случае моей смерти поставить на моей могиле голубец⁴ — в хмурой Нарымской земле. Я, как голодающий индус, каких я видал на страницах Нивы⁵, — и не узнать теперь. Очень ослаб. Весь поседел, кожа стала буро-синей и растрескалась, как сухая земля. Пришли мне Мадур в издании Академии⁶. Если вышло что Васильева — тоже. Сходи на Гранатный⁷ — вниз к моим соседям — узнай, что с моей квартирой, и сообщи мне. Я ничего не знаю и не слышу. О получении этого письма телеграфируй⁸. С трепетом буду ждать ответа. Отнесись, умоляю тебя, посерьезней — к этому своему благороднейшему труду! Горячо целую. Безмерно скучаю. Долгим рыданием покрываю это письмо. Не забывай милостыней: скажи и другим про это.

Прощай, мой прекрасный брат.

12 июля 1934 г.

Н. Клюев.

При личном свидании с Михаилом Ивановичем⁹ лучше всего было бы, если бы ты с первых же слов сам вслух прочитал ему мое заявление, а потом уже подал ему. Это очень важно. Нельзя ли поговорить с Молоковым, или со Шмидтом, или с матерью Дмитрова, наконец с Верой Фигнер¹⁰. Все эти люди меня знают. И аудиенции не пришлось бы ждать.

¹ В АК сохранилось одно из этих заявлений (во ВЦИК), очевидно, не переданное по назначению (см. ниже). Куда было адресовано второе заявление (по-видимому, аналогичного содержания) — не установлено (но ср. письмо 10).

² Тогдашний адрес Союза писателей (известный Дом Герцена). Современник свидетельствует: «...в доме Герцена на Тверском бульваре <...> все кишело всякой писательской шушерой и провокаторами» (Б. С. Кузин, «Об О. Э. Мандельштаме». — «Вопросы истории естествознания и техники», 1987, № 3, стр. 141).

³ Кириллов Владимир Тимофеевич (1890—1943) — поэт.

⁴ Голубец — памятник на могиле в виде креста с кровельной.

⁵ «Нива» — популярный дореволюционный иллюстрированный журнал.

⁶ Имеется в виду книга: М. А. Плотников. Янгал-Маа. Вогульская поэма со статьей автора о вогульском эпосе. — С. Клычков. Мадур Ваза — победитель. Вольная обработка поэмы «Янгал Маа». М. — Л. «Academia». 1933.

⁷ Клюев жил в Москве по адресу: Гранатный пер. (ныне ул. Щусева), д. 12, кв. 3 (дом не сохранился).

⁸ Ср. открытку Клюева Клычкову (почтовый штампель: Колпашево. 04.8.34.): «Получил перевод 30 руб. в самый разгар голода. Питался только хлебом и диким лесным чесноком. Земно кланяюсь. Заявления посланы ценным письмом в 50 руб. Как только получишь, извести телеграммой. Вся моя надежда связана с этим письмом и тихим с ним обращением без лишних свидетелей. Кланяюсь [Варваре] [Николаевне], крестнику. Прощайте. Не забывайте! Н. К.» (АК).

⁹ То есть Калинин.

¹⁰ Молоков Василий Сергеевич (р. 1895) — летчик, участник спасения челюскинцев, Герой Советского Союза; Шмидт Отто Юльевич (1891—1956) — ученый, академик,

руководитель экспедиции на «Челюскине»; Досева Михайлова Парашкева (1862—1944) — мать Георгия Димитрова; Фигнер Вера Николаевна (1852—1942) — член Исполкома «Народной воли», видный деятель русского революционного движения.

3

«Колпашево, 12 июля 1934 г.»

Во Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет
Административно ссыльного в Нарымский край,
в поселок Колпашево поэта Ключева Николая Алексеевича

Заявление

После двадцати пяти лет моей поэзии в первых рядах русской литературы я за безумные непродуманные строки из моих черновики¹, за прочтение моей поэмы под названием Погорельщина, основная мысль которой та, что природа выше цивилизации, сослан Московским ОГПУ в Нарым на пять лет.

Глубоко раскаиваясь, сквозь кровавые слезы осознания нелепости своих умозрений, невыносимо страдая своей отверженностью от общей жизни страны, ее юной культуры и искусства, я от чистого сердца заявляю ВЦИКомитету следующее:

«Признаю и преклоняюсь перед Советовластием, как единственной формой государственного устройства, оправданной историей и прогрессом человечества!»

«Признаю и преклоняюсь перед партией, всеми ее директивами и бессмертными трудами!»

«Чту и воспеваю Великого Вождя мирового пролетариата товарища Сталина!»

Обязуюсь и клянусь все силы своего существа и таланта отдать делу социализма.

Прошу помилования.

Если же помилование ко мне применено быть не может, то усердно прошу о смягчении моего крайне бедственного положения.

Я инвалид второй группы. Климат Нарыма, повальная малярия, отсутствие специальной мед-помощи, непосильная дороговизна бытовой стороны грозят мне неизбежной гибелью.

Если я недостоин помилования, то усердно прошу уменьшить мне срок ссылки, дать мне минус шесть или даже минус двенадцать² без прикрепления к одному месту.

Все это спасло бы меня от преждевременной смерти и дало бы мне, переживающему зенит своих художнических способностей, возможность новыми песнями искупить свои поэтические вины.

Справедливость, милосердие и русская поэзия будут ВЦИК благодарны.

Николай Ключев.

12 июля
1934 г.

Адрес: Северо-западная Сибирь, поселок Колпашево.

¹ В «Листках из дневника» Анны Ахматовой читаем: «Я своими глазами видела у Варвары Клычковой заявление Ключева (из лагеря о помиловании): «Я, осужденный за мое стихотворение — «Хулители искусства» — и за безумные строки моих черновики» (эти строки не вошли в вариант «Листков», недавно опубликованный журналом «Юность», 1987, № 9, стр. 72—74: они содержат две очевидные — после сравнения с заявлением Ключева — фактические неточности, связанные с ошибками памяти А. Ахматовой).

² Речь идет о такой мере наказания, как высылка с запрещением проживать в шести, девяти или двенадцати крупнейших городах страны.

4. Н. С. ГОЛОВАНОВУ¹

Северно-Запад[ная] Сибирь,
поселок Колпашево.
25 июля 1934 г.

Дорогой Николай Семенович, прошлую зиму я был поставлен в очень тяжелые и невыносимые жизненные условия и в силу их отдалился от многих драгоценных моему сердцу людей, старался лишний раз не быть и у Вас, подвергаясь, быть может, дурному к себе самом пониманию, но ради моей судьбы, как художника и человека, прошу Вас, помогите мне участием, ибо вся моя надежда на помощь тех, кто не может пройти мимо трагедии поэта. Я сослан за поэму «Погорельщина», ничего другого за мной нет. Статья 58-ая, пункт 10-й, предусматривающий агитацию.

Я неминуемо погибну без помощи со стороны.

Услышьте, помогите!

Все свои прекрасные и заветные вещи в Москве я хотел бы предоставить Вам, на Ваши оценку и усмотрение².

Сообщите телеграммой, возможно ли через Вас передать лично Калинин или Ворошилову мое заявление о помиловании. Это самый верный путь к моему спасению.

Прошу великую Нежданову о помощи³. (Так я и не окончил «Повесть об Алкносте нежданом», где есть потрясающие по красоте русские рапсодии об Ант[онине] Васил[евне].) Если останусь жив — допишу — это небывалое и многоцветное, как павлин, произведение⁴.

Умоляю о посылке Вашу маменьку и сестрицу⁵ — чаю, сахару, макарон, крупы для каши, сала, сухарей белых, компоту яблочного от цинги и т. п. Деньги только телеграфом.

Сообщение почтой тянется месяцами, с октября до зимнего пути совершенно прекращается.

История и русская поэзия будут Вам благодарны. Целую ноги Ваши и плачу кровавыми слезами.

Николай Клюев.

¹ Голованов Николай Семенович (1891—1953) — выдающийся дирижер и музыкально-общественный деятель. Впервые Голованов встретился с Клюевым в декабре 1929 года на званом вечере у искусствоведа А. И. Анисимова, где поэт читал свои произведения. Вот что писал Голованов, находясь под свежим впечатлением от этого чтения: «Я давно не получал такого удовольствия. Этот поэт 55 лет с иконописным русским лицом, окладистой бородой, в вышитой северной рубашке и поддевке — изумительное, по моему, явление в русской жизни. Он вывел Есенина на простор литературного моря. Сам он питерец, много печатался. Теперь его ничего не печатают, так как он считает трактор наваждением дьявола, от которого березки и месяц бегут топиться в речку. Стихи его изумительны по звучности и красоте: философия их Достоевско-религиозная — настоящая вымирающая <одно слово крээр> Русь. Читает он так мастерски, что я чуть не заплакал в одном месте» (из письма А. В. Неждановой, опубликованного в книге: Н. С. Голованов. Литературное наследие. Переписка. Воспоминания современников М., 1982, стр. 99; купюра в печатном тексте восстановлена по оригиналу письма, хранящемуся в Вокально-творческом кабинете имени А. В. Неждановой). В личной библиотеке Н. С. Голованова сохранились две книги, надписи Клюева на которых указывают на взаимное дружеское расположение, возникшее между поэтом и дирижером. Одна из этих надписей — на первой книге Клюевского «Песнослава» — опубликована в примечаниях к письму Голованова, цитированному выше. Другой книгой, подаренной Голованову Клюевым, является старопечатное Евангелие; стилизованное посвящение на нем гласит: «Во имя Господа Иисуса Христа ради Его св. Имени на русской земле благословляю сие Св. Евангелие Николаю Семеновичу Голованову на спасение жизнь, крепость и победу над врагами видимыми и невидимыми. Н. Клюев. Лета от рожества Бога-Слова 1931. Октября 21 дня» (ТЛДМ).

² Еще до ареста, находясь в крайне стесненном материальном положении, Клюев обратился к Голованову с предложением продать иконы из своего собрания: «Извините за Беспокойство Николай Степанович (так; ошибка памяти Клюева. — Г. К., С. С.). Но я не нахожу возможным предложить свои заветные вещи, не показав их Вам! К собранию Ваших глубоко бытовых и мистических икон. «Недреманное око», «София» — весьма уместны «Лого Авраамово» и «Царь Димитрий Иоан<н>ович, что в Угличе». Вещи подлинные и редкие по изображению. Цена по сту руб[лей] за каждую. Я очень болен и в большой нужде. Кланяюсь Вам с сердечной преданностью. Милосердие и

русское искусство будут Вам благодарны. Н. Ключев» (ТЛДМ, № 4395/971). В комментируемом письме Ключев вновь возвращается к этому своему предложению.

Ср.: «Сходите к Антонине Васильевне Неждановой, Б[ольшой] Кисловский пер[еулок], дом 4. Поговорите с ней обо мне — и о том, чтобы она поговорила с Горьким — об облегчении моего положения. Скажите А. В., что Горькому будет приятно видеть ее — не забудьте. Они давно знакомы — еще по Италии, когда Алексей Макс[имович] был там в изгнании» (из письма Ключева С. А. Толстой-Есениной, отправленного из Колпашева 17 июня 1934 года. — Государственный музей Л. Толстого, АСТ-Е, № 20551).

Ни текст, ни судьба «Повести об Алконосте нежданом» не известны. В рукописи Н. С. Голованова «А. В. Нежданова» (лл. 96—97), хранящейся в Вокально-творческом кабинете имени А. В. Неждановой, содержится список стихотворения Ключева, обращенного к певице. Вот его полный текст:

«Посвящается Антонине Васильевне Неждановой — Сирий птице, поющей и зывающей о красоте Русской Народной Земли.

Мне сказали, что ты умерла
Заодно с золотым листопадом.
И теперь, лучезарно светла,
Правишь горним, неведомым градом

Я нездешним забыться готов, —
Ты всегда баснословной казалась
И багрянцем осенних листов
Не однажды со мной любовалась.

Говорят, — что не стало тебя,
Но любви иссякаемы ль струи?
Разве травы — не ласка твоя?
И лучи — не твои поцелуи?

Вспоминаю Тебя и не помню...
Отцвели резедовые дни.
На последнем пути — не легко мне
Сторожить горбовые огни.

Скоро сердце уснет непробудно,
До заката — не встретиться нам
Присылай белокрылое судно
К полуночным моим берегам.

Там лишь звезды, да сумрак голубый,
На утесе заплаканный крест,
И плывут в океанские губы
Паруса — хороводом невест.

Стонет чайка о юном матросе,
Что погиб, роковое любя.
Н<о> в лугах — на душистом покое
Я услышал, царевна, — Тебя.

Чтоб малинник по девушке-вербе
До рассвета рыдал соловьем...
Хорошо, когда жизнь на ущербе
Лебединым пахнула крылом.

Словно озеро в синих ирисах,
Ель цветет и резвится форель.
Только траурной мглой кипариса
Просквозило карельский Апрель.

Пусть же сердце уснет непробудно,
Зная тайну ревнивых веков,
Что плывет мое лунное судно
В лед и яхонт любимых зрачков.

Николай Ключев.

Как вспоминает М. И. Голгофская, Ключев записал это стихотворение (в ее присутствии) на квартире А. В. Неждановой (январь 1930 года) после того, как он слушал певицу, готовившуюся к выступлению. В ключевском автографе, подаренном Неждановой (и ныне утраченном), по словам М. И. Голгофской, практически не было пометок. Это скорее всего означало, что поэт записывал текст, припоминая уже сочиненное, а не создавая нечто новое. Три первые строфы (эпиграф) — это известное стихотворение Ключева начала 1910-х годов (оно очень нравилось Н. С. Голованову — в подаренной ему поэтом первой книге «Песнослава» над стихотворением «Мне сказали, что ты умерла...» есть помета дирижера: «Чудесно»). Основной же текст стихотворения («Вспоминаю Тебя и не помню...») — после его сопоставления с другими произведениями Ключева тех лет — даёт основание предположить, что первоначальным его

адресатом был А. Н. Яр-Кравченко (1911—1983), художник, друг поэта. Вероятнее всего, Клюев перепослал А. В. Неждановой это созданное ранее произведение (по-видимому, дав ему другую редакцию).

¹ Голованова Елизавета Тимофеевна (1864—1947) и Голованова Ольга Семеновна (1893—1969).

5. С. А. КЛЫЧКОВУ

«Колпашево,» 18 августа «1934 г.»

Дорогой Сереженька — прими мою благодарность и горячий поцелуй, мои слезы — за твои хлопоты и заботу обо мне. В моем великом несчастье только ты один и остался близ моего креста — пусть земля и небеса благословят тебя. Мое несчастье не человеческое, а какое-то¹ выходящее из всех понятий о бедах и страданиях. Уж очень я нелеп в среде ссыльных и поселенцев на р. Оби. Нежный, с сивой, как олений мох, бородой, с маленькими руками, с погасшим, едва слышным голосом, с глазами, ушедшими в череп... но что об этом? Я думаю, что все равно меня не спасти, лето я еще прожил, а страшная полярная зима — меня доконает. Нужно иметь хотя бы 50 руб. аккуратно в месяц — за комнатушку и дрова, которые здесь, как это ни нелепо, дороги потому, что привезти их некому — у жителей нет лошадей. Милый мой — подумай, как раздобыть эти ежемесячные 50 руб.? Нельзя ли собрать, попросить кого? В своем отчаянии я ничего не могу сообразить. Но сейчас же — по телеграфу пусть, кто может, помогут мне. Поговори с Леоновым — быть может, он пошлет мне немедля 50 руб. Квартира моя запечатана — когда будет возможно и что только можно, нужно продать и деньги выслать телеграфом, но когда это — неизвестно. Крепко надеюсь, что ты, тщательно и любовно потрудясь, устроишь эти заявления¹ — они писаны мною, как пишут с эшафота. Если будешь лично передавать, то проси в крайнем случае о смягчении моей участи. Уменьшения срока, перевода туда, где есть медпомощь, и назначения мне хотя бы хлебного пайка. Прошу П. Н. Васильева о милостыне — ради моих песен! Целую его ноги за милосердие — передай ему².

Неужели он пройдет мимо моей плахи — только с пьяным смехом?!

Кланяюсь Варваре Ник[олаевне], Георгию. Так бы и стукнулся лбом перед кумой — нарвелся бы досыта. Прошу телеграфировать о получении этого письма — оно меня до смерти волнует. Хорошо бы результаты получить до зимы, пока ходят пароходы. Если зазимую, не знаю, где буду жить, придется в землянке яме — где цинга и... конец. Но и за яму нужно платить. Спасите, кто может! Посылки от тебя не получил. 15 р. и 30 р. получил — благодарю. Прощайте! Простите все. Попроси В. Кириллова об оленьей шапке и об оленьих пимах³. Родной мой — живи. Поминай меня — ради нашей молодости и песен.

Жду письма. Помоги. Сердце мое ждать долго не может. Не забывай. Милый, родной, певучий, сладостный брат мой!

Напиши, как съезд писателей — я послал ему заявление-письмо. Нельзя ли узнать, как оно принято?⁴

Прощай!

Н. Клюев.

¹ См выше заявление Клюева во ВЦИК.

² 9 августа 1934 года Клюев писал П. Васильеву: «Дорогой поэт — крепко надеюсь на твою милостыню. Помоги несчастному. Отплату сторидей в свое время. Русская поэзия будет тебе благодарна» (АК). Эта открытка была адресована: «С. А. Клычкову для П. Васильева» — и, по-видимому, не была передана адресату.

³ См письмо 2, прим 3. «Просили — не дал» (помета В. Н. Горбачевой).

⁴ 5 октября 1934 года Клюев сообщал Н. Ф. Христофоровой-Садомовой: «...есть из Москвы письмо с описанием впечатлений от съезда писателей. Оказывается, на съезде писателей упорно ходили слухи, что мое положение должно измениться к лучшему и что будто бы Горький стоит за это» («Красное знамя» (Вытегра), 17 октября 1985 года).

6. В. Н. ГОРБАЧЕВОЙ

«Колпашево, 6 сентября 1934 г.»

Дорогая Варвара Николаевна — получил Ваше письмо, — облил его слезами, благодарю за память, за утеху словами, они так мне нужны. Говорят, что 8 сентября уходит последний пароход, и, быть может, мой стон с этим листком

дойдет до Москвы. Я погибаю от <недое>дания. Впереди страшная <нолярная зима,> цинга и т. п. <Часть текста утрачена> поэтически <несколько слов утрачено> изложить ей¹ мою судьбу <несколько слов утрачено> что ее будет рад видеть у себя большой писатель, знакомый ей еще по Италии, и что только она может им по моему делу быть принята и выслушана. Адрес: Большой Кисловский пер., дом 4. Нежданова меня хорошо знает и высоко ценит, и, вероятно, жалеет. Заявление о помиловании Калинину, если только Сережа находит это разумным, можно передать через Нежданову же, если она уклонится — то нужно просить Надежду Андреевну Обухову, — но все лично, а не по телефону, и в том случае, если Сереже вырастет какая-либо рогатка и препятствие. Пока же помогите быстро не замедлять милостыней по телеграфу, не то я могу, не дождавшись помилования, умереть с голоду, или меня под свирепые матюги остячка выгонит из угла на снег за неуплату.

Дорогая В. Н., урвите минутку, напишите мне еще страничку. Поговорите о деньжонках с Тренивым², он, я верю, меня пожалует и попросит других. Пусть не стесняются суммой. Ваших 50 руб. в Томске я, вероятно, получил³, но мне не объявляли, от кого получение, — таков острожный режим. Доверенность я посылал и Сереже⁴, и Толе⁵, и другим, но ни от кого не получаю ответа. Напрасно Вы не сообщили имени, отчества и фа<мили> <часть текста утрачена> может <утрачен текст одной строки> стал слаб. Пенси<нное удостоверение> лежит на столике в моей <квартире,> была бы радость, если получить что-либо⁶. Прошу Вас, не медлите ответом.

Каждый день жизни моей сосчитан. Не припомните ли, сколько раз по моей высылке был у Вас Павел Васильев и Рюрик⁷. Утешали ли они меня или виноватили. Очень прошу обратить на это внимание.

Кланяюсь Вам земным поклоном. Благословляю Крестника. Простите. Прощайте.

Адрес: Сев[еро-]Зап[адная] Сибирь, поселок Колпашев. 6-го сентября 1934 г. Поговорите с Пастернаком, он, наверно, примет — писатель.

¹ Речь идет об А. В. Неждановой.

² Тренив Константин Андреевич (1876—1945) — писатель и драматург.

³ Сохранилась справка со штампом «Бюро жалоб в Гор. почт. Отделении. Москва, ул. Горького 17», за № 1020: «Гр. Горбачев<ой>. На Ваше заяв[ление] от 17/8-34 г. о розыске т/пер. 50 руб № 1580/6 от 26/4-34 г. Ключеву сообщаем: означен[ный] перевод выплачен лично 7/5-34» (АК). Этот перевод Ключев получил, следуя по этапу в Нарынский край (ср. следующее примечание).

⁴ Приводим текст этой доверенности, сохранившейся в АК:

«Доверенность

следуемого в ссылку по ст. 58/10 в город Колпашев <С>ев[ерно]-запад[ной] Сибири, поэта Ключева Никол[ая] Алексеевича.

Настоящим доверяю все свое имущество, находящееся в Москве, в доме № 12, кв. 3, по Гранатному пер., писателю Ключкову Сергею Антоновичу, что удостоверяю своей подписью. Ключев Николай Алексеевич. Г. Томск, Изолятор. 12 апреля 1934 г.

Перечень вещей:

- 1) Ковер персидский 7½ аршин.
- 2) Два самовара красной меди 18 века.
- 3) Шесть стульев, резная скамья, два стола и посудный поставец с комодом, старинной русской работы — 17—18 ый век.
- 4) Фонарь подвесной, серебряная лампада, две картины, резная полочка и божница, старинной русской работы.
- 5) Три складня — иконы — 16-й—17-й век, и 15-ть икон разных размеров — 16-й и 17-го века, ларец и подголовник, кружка с орлом, два медных светца, один деревянный, 17-й век.
- 6) Кровать ясеневая с периной, ковер, шитый шелком и шерстями, небольшой, черемисской работы, занавес со старинной прошвой. Евангелие и Апостол рукописные — 15-го и 17 века. Книга Кормчая и книга Поморские Ответы рукописная. Посуда и белье. Две старинные скагерти — синяя и белая вышитая.

И все, что находится на кухне, а также и белье, сданное прачке — старушке Лукьяновн<е>, 25-ть штук. И все остальное, что находится в квартире. В узлу платки и сорочка — моей матери.

Николай Ключев.

Адрес Ключкова Сергея Антоновича: Москва, Арбат, Нащекинский пер., дом № 15 — писателю».

Подпись поэта удостоверена начальником канцелярии «Исправ.Трудов. Учреждения Запсибкрая» (текст круглой печати на доверенности). Ниже удостоверяющей подписи Ключев написал карандашом: «Помогите переводом по телеграфу. Г. Томск, Изолятор, Ключеву». Именно об этом переводе и идет речь выше (см. прим. 3).

- ¹ То ля (далее также Анатолий, Толечка) — Яр-Кравченко Анатолий Никифорович.
² Ср: письмо 8, прим. 3.
³ Р ю р и к Ивнев — Ковалев Михаил Александрович (1891—1981), поэт.

7. С. А. КЛЫЧКОВУ

«Колпашево, 21 сентября 1934 г.»

Весьма нуждаюсь в твоём письме, милый. Давно послал заявления¹, как ответ на твои телеграммы. Кланяюсь земным поклоном за твои груди и заботу обо мне недостойном. Помогни. Не забывай. Кланяюсь Варваре Никол[аевне], Георгию. Скоро — вероятно, в конце октября пароходы не будут ходить². Сообщение будет лишь телеграфом. Прощай. Прости! Н. К.
 22 сентября³.

¹ См. письма 2 и 3.

² Спустя полмесяца поэт писал Н. Ф. Христофоровой-Садовой: «Я в жестокой нарымской ссылке. Это ужасное событие исполняется на мне в полной мере. За окном остижкой избы, где преклонила голову моя узорная славянская муза, давно крутится снег, за ним чернеет и гудит река Обь, по которой изредка проползает пароход — единственный вестник о том, что где-то есть иной мир. Люди, а быть может, и привет с родным гнездом. Едкая слезная соль разъедает глаза, когда я провожаю глазами пароход: «Прощай! Скажи своим свистом и паром живым людям что поэт великой страны, ее красоты и судьбы, остается на долгую волчью зиму в заточении — и, быть может, не увидит новой весны!» Мое здоровье весьма плохое. Средств для жизни, конечно, никаких, свирепо голодаю, из угла гонят и могут выгнать на снег если почуют, что я не могу за него уплатить. Н. А. (Обухова. — Г. К., С. С.) прислала месяц назад 30 руб. Это единственная помощь за последнее время. — Что же дальше? <...> я неизбежно и точно, как часы на морозе, замираю кровью, сердцем, дыханием. Увы! для писательской публики, занятой лишь саморекламой и самолюбованием, я не ощущаю, как страдающее живое существо, в лучшем случае я для нее лишь повод для ядовитых разговоров и недоверья — никому и в голову не приходит подать мне кусок хлеба. Такова моя судьба, как русского художника, так и живого человека. И вновь и снова я умоляю о помощи, о милостыне. С двадцатых чисел октября пароходы встанут. Остается помощь по одному телеграфу. Пока не закует мороз рек и болот — почта не ходит...» (ИРЛИ, р. 1, оп. 12, ед. хр. 534, лл. 16—16 об.; частично опубликовано: «Красное знамя» (Вытегра), 17 октября 1985 года).

³ Авторская дата неточна: эта открытка имеет почтовый штампель «21.9.34».

8. В. Н. ГОРБАЧЕВОЙ

«Томск, 12 октября 1934 г.»

Дорогая Варвара Николаевна, жалко, что послал Вам большое письмо¹, как получил перевод в г. Томск, говорят, что это милость, но я вновь без угла и без куска хлеба. Постучался для ночлега в первую дверь — Христа ради. Жилье оказалось набитое семьей, в углу сумасшедший сын, ходит под себя, истерзанный². Боже! Что будет дальше со мной? Каждая кровинка рыдает. Адрес: г. Томск, Главпочтамт, до востребования.

Помогите, чем можете³.

Прощайте.

Ваш Дед Н. Клюев.

12 сентября⁴.

¹ Это письмо в АК не найдено.

² 24 октября 1934 года, когда поэт уже окончательно обустроился на жительство в Томске, он рассказывал (в письме Н. Ф. Христофоровой-Садовой) о подробностях своих поисков жилья уже в ином — «житийном» — ключе: «Дорогая Надежда Федоровна! На самый праздник Покрова меня перевели из Колпашева в город Томск, это на тысячу верст ближе к Москве. Такой перевод нужно принять как милость и снисхождение, но, выйдя с парохода в ненастное и студеное утро, я очутился второй раз в ссылке без угла и без куска хлеба. Уныло со своим узлом я побрел по неизмеримо грязным улицам Томска. Кой-где присаживался то на случайную скамейку у ворот, то на какой-либо приступок; промокший до костей, голодный и холодный, уже в потемки я постучался в первую дверь кособокого старинного дома на глухой окраине города — в надежде выпросить ночлег Христа ради. К моему удивлению, меня встретил средних лет, бледный, с кудрявыми волосами и такой же бородной, человек — приветствием: «Проведение посылка <ет> нам гося! Проходите, раздевайтесь, вероятно, устали». При этих словах человек с улыбочкой стал раздевать меня, придвинул стул, встал на колени и стащил с моих ног густо облепленные грязью сапоги. Потом принес валенки, постель с подушкой, быстро наладил мне в углу комнаты ночлег. Я благодарил, едва сдерживая

рыдание, разделся и улелся — так как хозяин ни о чем не расспрашивал, просил только меня об одном: успокоиться, лечь и уснуть. Когда я открыл глаза, было уже утро. На столе кипел самоварчик, на деревянном блюде черный хлеб... За чаем хозяин поведал мне следующее: «Пришла, говорит, ко мне красивая статная женщина в старообрядческом наряде, в белом платке по брови — прими к себе моего страдальца — обрательница она ко мне с просьбой, я за него тебе уплачу, и подает золотой». Дорогая Надежда Федоровна, вы поймете мои слезы и то состояние человека, когда всякая кровинка рыдает в нем. Моя родительница упреждает пути мои. Мало этого — случилось и следующее. Я полез в свой мешок со съестным — думая закусить с кипятком, но сколько я ни ломал ногтей — не мог развязать пестрядиной кромки, которою завязал мне конвойный солдат мешок. Хозяин подал мне ножик, я стал пилить по узлу, и вдоль рубца отлетела уцелевшая пуговка, а за ней из-под толстой домотканой заплатки вылез желтый кружочек пятирублевой золотой монеты!

Вы мне писали, чтобы я пересмотрел свою жизнь; я знаю, что за грехи и за личины житейские страдаю я, но вот Вам доказательство того, что не меркнет простой и вечный свет. Хозяин, ссыльный диакон с Волыни, скоро кончает срок своей высылки, поедет через Москву, если можно, то зайдет к Вам с поклонами. Только расспрашивать его не нужно, если он почувствует внутреннее разрешение на это, то и сам расскажет. Про такие явления нельзя говорить холодным, набитым лукавыми словами, людям. Теперь я живу на окраине Томска, близ березовой рощи, в избе кустаря-жестяника. Это добрые бедные люди, днем работают, а ночью, когда уже гаснут последние городские огни, встают перед образа на молитвенный подвиг, ничего не говорят мне о деньгах, не ставят никаких условий, что будет дальше — не знаю. Уж очень я измучен и потрясен, чтобы ясно осмысливать все, что происходит в моей жизни. Чувствую, что я вижу долгий, тяжкий сон. Когда я проснусь, — это значит, все кончилось, значит, я под гробовой доской. Прошу Вас — потерпите еще немного — не бросайте меня своей помощью по-человечески и по простоте Вашей. Моя блаженная мать небесным бисером отплатит Вам за Вашу хлеб-соль и милосердие ко мне недостойному» (ИРЛИ, р. I, оп. 12, ед. хр. 534, лл. 17, 17об., 18; фрагменты окончания этого письма см.: «Красное знамя» (Вытегра), 19 октября 1985 года).

¹ На обороте данного письма рукой В. Н. Горбачевой написано: «Пенсию хлопочем вещи сарай желаете высыдайте новую доверенность Антону Аннулируя старые Варвара». Очевидно, это текст ответной телеграммы, отправленной В. Н. Горбачевой в Томск сразу же по получении письма поэта.

² В сентябре 1934 года Ключев был еще в Колпашеве (см. письмо 7); следовательно, здесь он ошибся месяцем (ср. начало письма, приведенного в прим. 2: «На самый праздник Покрова...», то есть перед 1 октября старого стиля).

9. В. Н. ГОРБАЧЕВОЙ

«Томск, 1 ноября 1934 г.»

Дорогая Варвара Николаевна. Получил двадцать пять. Благодарю от всего сердца. Живу в углу на окраине Томска у жестяника-старика со старухой. Очень мучительно на чужих глазах со своими нуждами душевными и телесными. Комнатки отдельной здесь не найти, как и в Москве. Это очень удручает. Дрова сорок руб[лей] возик. Везде железные топки с каменным углем. Смертельно скупо. Прошу о письме! Клянюсь земным поклоном. 1 ноября¹.

¹ Открытка. Год установлен по почтовому штемпелю.

10. В. Н. ГОРБАЧЕВОЙ

«Томск, 26 ноября 1934 г.»

Дорогая Варвара Николаевна, не знаю, как и благодарить Вас за заботы обо мне. Клянюсь Вам земным поклоном и умываюсь слезами. Прошу Вас не забывать меня весточкой. Можно ли навеститься в Оргкомитете¹ — передано ли во ВЦИК мое заявление²? Надо об этом по возможности чаще напоминать Комитету, потому что он может тянуть передачу годами, как тянул мои заявления о пенсии, пока я сам не добился личного свидания с Калининным. Мне пишут из Москвы, что дама, к которой я просил Вас позвонить³ — была очень больна, вероятно, она еще медленно поправляется. Но весьма бы было любопытно, а быть может, и полезно под каким-либо интересным предлогом, который бы был не похож на просьбу о деньгах — получить от нее разрешения свидеться — и передать ей мой документ⁴ лично. Быть может, она что и сделает, если захочет. Я послал Вам доверенность⁵ (и список вещей). Когда будете ее предъявлять, нельзя ли узнать, почему на предъявленную Зинаидой Павловной Кравченко⁶ доверенность не последовало разрешения получить вещи? Это мне очень важно

знать. О результате Вашего предъявления доверенности известите меня письмом. Как вещи? По возможности их нужно проверить по списку. В первую очередь нужно попытаться продать ковер и складень красный, обложенный медной оковкой, Неопалимой Купины. Этот складень принадлежал Андрею Денисову⁸ — автору книги Поморские Ответы. Писан же он тонким письмом в память Палеостровского самосожжения иже на озере Онего, при царе Алексии⁹. Сплошной красный цвет выражает стихию огня. Этому складню¹⁰ всего бы больше приличествовало быть у меня — связу <я> меня, сгоревшего на своей «Погорельщине»¹¹, с далекими и близкими отцами и дядичами, но что же делать? Они простят меня, слабого и уже одной ногой стоящего во гробе. За складень раньше мне давали полторы тысячи. Теперь сколько дадут. Предложите его Николаю Семеновичу Голованову, изв[естному] дирижеру из Большого театра. Его адрес: Средний Кисловский, дом № 4. Но цены не назначайте — сколько даст сам. Он видел эту вещь у меня на Гранатном. Если даст 750 руб., т. е. половину прежнего — то отдайте, а так попытайтесь продать где-либо иначе. Складень Феодоровской Б[ожией] М[атери] может пойти от 500 руб. Ангел Хранитель большой — от 200 руб. Остальные иконы от ста до 50 руб. штука. Ковер, если он не очень разрушился в сырости, стоит от 300 до 750 руб. Как можете вырядить — Вам виднее. Смотря по покупателю. Древние книги предложите Демьяну Бедному — он любитель. Свиток пергаментный на древнееврейском языке — стоил тысячу рублей, теперь хотя бы дали сто руб. Это повесть о Руфи, X-го века. В ларце узорном терёмном статуэтка Геракла в юности бронзовая <одно слово врзбр> времени царя Андрияна. Там же серги из Микенских раскопок¹² — можно предложить музею Изыщных искусств. Но умоляю что-нибудь продать вскорости в течение декабря месяца. Чтобы меня не выгнали на 40-градусный мороз в лохмотьях, без валенок, голодным. Прошу Вас — нельзя ли валенки получить Вам в распределителе — размер отнюдь не больше галош № 10-ый. В моем комодe осталось белого материала 9—10 метров, желательнo его получить — прикрыть мою наготу. Если наторгуете денег, — то нельзя ли купить мне хотя бы пару кальсон готовых и бумазей черной и темно-синей четыре метра на верхнюю рубаху, если бумазей нет, то какого-либо хотя бумажного материала!

И еще к Вам особенное моление: прямо снаходу получите книгу Немецкую Библию — она пуд весу с медными углами и серединой на кожаном переплете¹³. Библия на готическом немецком языке — а в ней, приблизительно в первой половине толщины — заложено в листах мое инвалидное свиде<те>льство¹⁴, бережно переложите его особо в крепкое место, снимите с него копию в горсовете у нотариуса, копию пришлите мне «ценным письмом», а оригинал берегите пуще денег. Дело в том, что этот документ дает мне право если не полное освобождения, то перевода в лучшие климатические условия, чем Сибирь. Я могу очутиться в Воронеже или в Казани, а это было бы для меня истинным счастьем! Постарайтесь для спасения меня несчастного, перелистайте не торопясь Библию — оно там, мое спасение! И я пойду на комиссию. Многие по такому свиде<те>льству освобождаются по чистой. Ах, если бы мне в руки мое инвалидное свиде<те>льство! Помогите! И еще прошу Вас принять во внимание, что если иконы покрыты плесенью, то отнюдь их не тереть тряпкой, а расставить вдоль стенки, хотя бы на пол, но не к горячей паровой трубе, и маленько просушить, пока плесень сама не начнет осыпаться — тогда уже протереть аккуратно в а т о й. Но, Бога ради, не трите никаким маслом, особенно лампадно-гарным, это вечная гибель для иконной живописи!

Пенсионную книжку я получал в Хрустальном переулке. Книжки у меня две — большая, что потерялась, и на место ее получена поменьше, уже вновь действительная (первая неожиданно нашлась). Хотя бы мне получить пенсию со дня моего ареста 2-го февраля по 2-ой май, и то бы было облегчение. В книжке есть листы для доверенности получения, кому я пожелаю.

Если получение за прошлое возможно, то я вышлю Вам доверенность, или Вы пришлите самую книжку — я напишу и вновь возвращу ее Вам почтой — с доверенностью.

До отчаяния нужно мало-мало денег. У моих хозяев в январе освобождается комната 20 руб. в месяц — два окна, ход отдельный, пол крашенный, печка на себя, — то-то была бы радость моему бедному сердцу, если бы явилась возмож-

ность занять ее, отдохнуть от чужих глаз и вечных потычин! Господи, неужели это сбудется?! Мучительней нет ничего на свете, когда в тебя спотыкаются чужие люди. Крик, драка, пьянство. Так ли я думал дожить свой век...

Прошу Вас поговорить с Пришвиным, он ведь близок к Алексею Максимо-вичу, и сам многие годы относится ко мне хорошо, и злополучную «Погорельщину» мою слушал в моем чтении — и может ясно представить мои преступления. Как принимать мой перевод в Томск? К хорошему это или к худому? Как живет и чувствует себя Сережа¹⁵? Близок ли он к Павлу и Рюрику¹⁶? Если они Вас не посещают, то я весьма рад этому. Еще раз прошу не забывать меня весточкой. Я ведь живу от письма до письма. В опись вещей я забыл внести фонарь железный, что висел над столом. И Икону Николы с Григорием Богословом в рост, Никола в ризе черными крестами. Размер 6 вер[шков] на 4 вершка. 15-й век. От Толи не получаю уже три месяца никаких известий. Нельзя ли ему написать под каким-либо предлогом, не упоминая меня, чтобы он ответил Вам, и я узнал, что он жив и благополучен? Низко кланяюсь всем милым сердцу. Прощайте. Простите! Адрес: Томск, пер. Красного Пожарника, изба № 12. Мне.

26 ноября
1934 г.

¹ См. письмо 1, прим. 10.

² См. письмо 2, прим. 1, и письмо 3. Видимо, заявление, о котором идет здесь речь, и было одним из двух заявлений, упоминаемых в письме 2.

³ Скорее всего Ключев говорит об А. В. Неждановой.

⁴ См. письмо 6.

⁵ Очевидно, в ответ на телеграмму В. Н. Горбачевой (см. письмо 8, прим. 3). Именно по этой доверенности и было позже получено имущество Ключева (см. письмо 12, прим. 4).

⁶ Вероятно, родственница А. Н. Яр Кравченко.

⁷ См. письмо 12, прим. 4.

⁸ Андрей Денисов Вторушин (1674—1730) — один из основателей Выговского старообрядческого общежительства, видный старообрядческий писатель. См. о нем: «Труды Отдела древнерусской литературы». Л. 1935, т. XL, стр. 42—45.

⁹ В Палеостровском Рождественском монастыре (остров Палей на Онежском озере) в 1687 и 1688 годах (правление царевны Софьи) произошли крупнейшие в истории русского раскола самосожжения старообрядцев.

¹⁰ «Складень оказался казанской подделкой. Шкловский купил и с досадой его вернул» (помета В. Н. Горбачевой).

¹¹ См. письма 1 и 3.

¹² «Увы, не было ни серег, ни свитка, ни статуэтки» (помета В. Н. Горбачевой).

¹³ В АК сохранилось старопечатное издание «BIBLIA: Das ist, Die gantze Schriftt, Altes und Neues Testaments Teutsch, D. Martin Luthers... Nürnberg: C. Endter. 1670», однако вид переплета этой книги не совпадает с ключевским описанием. Таким образом, либо поэт запамätывал, как выглядела его «Немецкая Библия», либо речь здесь идет о другой, не дошедшей до наших дней книге.

¹⁴ См. письмо 14, прим. 9.

¹⁵ Клычков.

¹⁶ То есть к Васильеву и Ивневу.

11. В. Н. ГОРБАЧЕВОЙ

«Томск, начало — первая половина декабря 1934 г.»¹

«Пишу Вам че» четвертое письмо, «дорогая Варва»² рия³ Николаевна. «В них я говор»ил, что удастся, «быть может,» кое-что из моего «имущества прода»ть и выслать «мне деньги на» хлеб. Свыше человеческих сил мое страдание. Быть может, уцелело что-либо из продуктов: в чайном поставце осталась четверть хорошего чаю не раскупоренной, и в стеклянной чайнице высыпана другая четверть фунта. Кофе в глиняной зеленовато-черной большой сахарнице с крышкой, жареный, два фунта. Цикория в пачках. В кухонном столе двадцать фунтов гречи. Ах, если бы чудом все это уцелело! Много и другого: макароны, рис, пшено, всего не помню. Быть может, удалось бы соорудить посылочку⁴. Какое бы было счастье! Жадно жду письма от Вас. Нельзя ли вспомнить мужских черных ботинок? Они совершенно хорошие, и мне хватило бы их надолго. Есть и сандалии. Одним словом, все, что можно. Побеспокойтесь! До гробной доски не забуду Вашего милосердия. Вся надежда, что в течение декабря что-нибудь выяснится с деньжатами. Иначе меня выгонят на улицу. За угол нужно платить 20 руб. в месяц.

С января можн<о бы было уже> нанять отдельн<ую комнатушку,> но, повторяю, не<где взять ежеме>сячные 20 руб. «Толечка не мо>жет ничего боль<ше сделать. Он> живет только на <ученическую сти>пендию¹, соверше<нно без помощи,> так как родны<е его оставили,> переехали на постоянное <местожительство> в Севастополь. За семьей-то ему было легче, а теперь вовсе тяжело. Желательно бы не сломать резной спинки у моей скамьи. Скамья разбирается, и спинка снимается, только выбить клинышки с испода и положить спинку плашмя на скамью, перевязать, и она не сломается при перевозке. В Томске глубокая зима. Мороз под 40°. Я без валенок, и в базарные дни мне реже удается выходить за милостыней. Подают картошку, очень редко хлеб². Деньгами от двух до трех рублей — в продолжение почти целого дня — от 6 утра до 4-х дня, когда базар разъезжается. Но это не каждое воскресенье, когда и бывает мой выход за пропитанием. Из поданного варю иногда похлебку, куда полагаю все: хлебные крошки, дикий чеснок, картошку, брюкву, даже немножко клеверного сена, если оно попадет в крестьянских возах. Пью кипяток с брусникой, но хлеба мало. Сахар великая редкость. Впереди морозы до 60°, но мне страшно умереть на улице. Ах, если бы в тепле у печки! Где мое сердце, где мои песни?! Еще раз умоляю о письме. Про запас прощайте. Кланяйтесь моим знаменитым друзьям — русским художникам³ и поэтам!

¹ Датируется по содержанию и в связи с письмом 10. Часть текста (примерно восьмая листа) утрачена; его реконструкция, сделанная нами по аналогии с другими письмами поэта последних лет его жизни, разумеется, не носит абсолютного характера.

² Так в письме.

³ Очевидно, это было написано Клюевым до получения посылки из Москвы (в АК сохранилась квитанция на посылку весом 2,8 килограмма, ценностью 20 рублей, отправленную в Томск 1 декабря 1934 года).

⁴ Ср.: «...Толя — не имеет ничего, кроме ученической субсидии» (из письма поэта Н. Ф. Христофоровой-Садомовой от 5 октября 1934 года. — ИРЛИ, р. I, оп. 12, ед. кр. 534, л. 16).

⁵ Ср.: «На базаре, как он рассказывал, его принимали за духовное лицо, и женщины клали в его необъятные карманы яйца, пирожки и пр.» (В. В. Ильина. Воспоминания о Николае Алексеевиче Клюеве. — ИРЛИ, р. I, оп. 11, ед. кр. 138, л. 6).

⁶ Примерно в то же время Клюев отправил письмо художнику Х. Э. Грабарю (1871—1960), написавшему в 1932 году портрет поэта: «Игорю Грабарю от поэта Николая Клюева. Я погибаю в жестокой ссылке, помогите мне, чем можете. Милосердие и русская поэзия будут Вам благодарны. Адрес: Север[о-]Запад[ная] Сибирь, г. Томск, переулок Красного Пожарника, изба № 12. 7 декабря 1934 г.» (отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи, ф. 106, № 6076).

12. В. Н. ГОРБАЧЕВОЙ

«Томск, 21 или 22 января 1935 г.»¹

22 января.

Получил Ваш перевод 40 руб². Кланяюсь Вам за эту помощь земным клоном. Всякая милостыня более или менее отсрачивает мой конец. Обливаясь слезами, смотрю на четыре десятирублевки и не верю своим глазам. Ведь целый месяц у меня будет хлеб и брусника с кипятком!³ Прошу Вас о письме — каждое Ваше слово для меня значительно. Как моя доверенность?⁴ Как заявление, которое передано в Оргкомитет?⁵ Стоит ли мне цепляться за жизнь или поторопиться закрыть глаза гробовой доской? Простите! Прощайте!

Н. Клюев.

Адрес прежний.

¹ Адресат и год написания устанавливаются по сохранившемуся конверту (почтовый штампель «21.1.35»).

² Квитанция телеграфного перевода от 17 января 1935 года (АК).

³ К счастью, в январе — феврале 1935 года поэт получил материальную помощь как от В. Н. Горбачевой, так и от других своих друзей. 31 января 1935 года В. Н. Горбачева послала ему почтовый перевод на 120 рублей (квитанция в АК). 22 февраля 1935 года Клюев писал Н. Ф. Христофоровой-Садомовой: «Я известил Вас телеграммой, что все переводы я получил в целости. <...> Я теперь не в общей избе — у меня угол за заборной, хотя дверь в общую избу не навешена. Но у меня чисто. Купил кровать за 20 руб., есть подушка и одеяло, чайник для кипятка, деревянная чашка для еды, с такой же ложкой. <...> Клычкова не печатают. Это добрый, хоть и рассыпанный человек — иногда его жена (то есть В. Н. Горбачева. — Г. К., С. С.) мне посылает милос-

тыню. И я кланяюсь земным поклоном ночным тучам и вершинам сибирских сосен за ее милосердие» (ИРЛИ, р. I, оп. 12, ед. хр. 534, лл. 22 об.— 23, 24). 28 февраля 1935 года В. Н. Горбачева вновь отправила ему телеграфный перевод на 40 рублей (квитанция в АК).

В том же письме от 22 февраля 1935 года (прим. 3) Ключев писал: «Доверенность на мое имущество я послал Сергею Ключкову, но еще ничего определенного он не добился» (там же, л. 23 об.). Тогда поэт еще не знал, что 20 февраля 1935 года В. Н. Горбачевой было разрешено взять его имущество из-под ареста. Приводим (по копии, сохранившейся в АК) опись ключевского имущества, которое было получено В. Н. Горбачевой:

«Опись

имущества и вещей Ключева Николая Алексеевича, находившихся Гранатный пер., 12, на хранении в домоуправлении, составлена в присутствии Курановой В. А. и Горбачевой В. Н. на основании ордера № 356 Г. У. Г. б. НКВД от 20 февраля 1935 г. Опись производил комиссар Аракчеев.

№№ пп	Наименование вещей и предмет[ов]	Колич[е- ство]	Состояние вещей	Примечание
1	Буфет	1	Старый	
2	Столов разных	3	»	Один расшат[ан- ный]
3	Кровать деревян[ная]	1	»	
4	Перин	2	»	
5	Тарелок разных	22	»	
6	Вклад<ец> »	7	»	
7	Чашек »	12	»	
8	Чайников »	9	»	
9	Глиняных чашек	2	Старые	
10	Рюмок больничных	2	»	
11	Плащ прорезин[енный]	1	»	
12	Подушки разные	3	»	рваные
13	Врюк разных	5	»	рваные
14	Полотенец разных	15	»	
15	Салфеток »	4	»	
16	Рубашек и нальсон	15	»	разные
17	Наволочек	2	»	
18	Платков шелковых	3	»	
19	Мадепалам (так. — Г. К., С. С.)	6 шт.	Новый	
20	Вайки	3½ м.	»	
21	Вудильник	1	Старый	
22	Простыней	2	»	
23	Крестов черн[ого] мет[алла]	3	»	
24	Вривта с прибор[ом]	1	»	
25	Вотинки с коньками	1	»	
26	Вотинки разные	3	Старые	
27	Валенки	1	»	
28	Сандалии кожан[ые]	1	»	
29	Икон разных дерев[янных]	34	»	
30	Картин разных разм[еров]	6	»	
31	Ковров разных	17	»	Один большой персидский
32	Церковная дорожка	1	»	
33	Пальто демисезонн[ое]	1	»	
34	Лапти лыковые	2	»	
35	Икон метал[лических] разн[ых]	5	»	белого мет[алла]
36	Стульев разных	7	»	3 дубовых
37	Лавка деревянная	1	»	
38	Книг церковных	24	»	Старинные
39	Книг и журналов разных	200	»	
40	Самовары старинные	2	»	
41	Подсвечники красн[ой] м[еди]	4	»	
42	Сундук деревянный	1	»	
43	Корзина плетеная	1	»	
44	Шкатулок разных	4	»	
45	Керосинки	2	»	
46	Рукобойник старин[ный]	1	»	
47	Узел с тряпками и старыми ризами			
48	Свечей	11 шт.		

49 Гардина дерюжная	1	Старая
50 Фонарик черн[ого] мет[алла]	1	»
51 Облигаций разных займов на сумму 370 руб. (триста семьдесят)		

Понятые

<две подписи>

Вещи по данной описи приняла
по доверенности

В. Горбачева <подпись>

Комиссар отряда

Аракчеев <подпись>».

* См. письмо 10, прим. 2.

13. В. Н. ГОРБАЧЕВОЙ

<Томск, не позднее 2 марта (?) 1935 г.>¹

...Не сообщите ли мне, сколько икон сохранилось? Складня было три. Успене большое, два аршина высоты, на полуночном фоне — черном. Икона весьма истовая: Спас стоит — позади его олонецкая изба — богатая, крашенная — с белыми окнами. Спас по плечи — большой на черном фоне. Ангел хранитель аршинный. Зосим-Савватий семивершковая икона. Ангел хранитель икона девятивершковая с тропарем, писанным вокруг лика. Корсунская с большим ликом. Явление Богородицы пр[еподобному] Сергию — икона семь вершков, с нею в руках умерла моя мать. Книга Псалтырь с серебряными уголками — очень для меня дорога. Евангелие рукописное новгородское. Толковое Евангелие рукописное. Книга Поморские Ответы рукописная². Крест деревянный (следует рисунок. — Г. К., С. С.) такой формы. Лампадка стоячая медная (следует рисунок. — Г. К., С. С.) гладкая, без птички (было еще две с ножкою в виде птицы). Из всего перечисленного я хотел бы сохранить «Псалтырь» с серебряными уголками, избраженный крест, икону Явление Сергия, гладкую лампадку и складень с Богородицей посредине, левая сторона расписана у складня белым узором (у второго же складня боковые створки подбиты кожей). Особенно прошу о Книге Псалтыри! Впрочем, все в Вашей воле. За все благодарю со слезами. Все Ваши заботы обо мне недостойном слагаю в сердце своем. Не удосужитесь ли передать поклон, хотя бы по телефону, Георгию Чулкову³ и сообщить мне его адрес? У меня есть несколько нужных слов к нему. Кланяюсь Гранатному пер[еулку]⁴. Там я пережил много прекрасного.

Простите. Не осудите.

Адрес прежний.

Н. Ключев.

¹ Датируется предположительно по содержанию и в связи с тем, что в АК сохранился конверт от заказного письма поэта В. Н. Горбачевой, отправленного из Томска 2 марта 1935 года (почтовый штампель). Первый лист данного письма в АК не найден. Из сохранившегося текста явствует, что оно написано после получения Ключевым известия, что его имущество выдано В. Н. Горбачевой.

² См. об ее авторе письмо 10, прим. 8 (книга сохранилась).

³ Чулков Георгий Иванович (1879—1939) — литератор символистского круга. О письмах Ключева к нему у нас сведений нет.

⁴ См. письмо 2, прим. 7.

14. В. Н. ГОРБАЧЕВОЙ¹

<Томск, 1 апреля 1935 г.>

...сломаны, а потому они отваливаются. Складень находился в сундуке, перевязан веревочкой. С левой стороны он расписан беловатыми узорами. Форма: (следует рисунок. — Г. К., С. С.). Самовар маленький с четырёхугольным подношком — красной меди, щипцы сахарные большие, чашку синюю, шестигранную с таким же блюдцем, сахарницу белого металла с крышкой (следует рисунок. — Г. К., С. С.). Сахарницу красной меди с крышкой. Братину деревянную с крышкой и ручкой (следует рисунок. — Г. К., С. С.). Четыре деревянных ковшичка для питья вина (следует рисунок. — Г. К., С. С.). Скатерть из белых льняных квадратов вышита синим и красным работы моей матери. Два плата шелковых

маминых, повойник черный атласный. (Бога ради, прошу сохранить!) Две лестовки² кожаных, одна вышита жемчугом, другая более новая, лебедьными перышками (следует рисунок.— Г. К., С. С.). Если когда-либо соберется посылка, то прошу эти лестовки послать мне. Вот и все мое имущество, которое я прошу пока сохранить. Остальное все можете продавать (забыл еще прошву из старинных лоскутов³, которая покрывала верхний край завесы, разделяющей мою комнату). Если уцелели мои белые брюки и холщевая рубаша с пояском из шерсти, на кисточках стекларус (поясков было много, в том числе шелковый лиловатый, мой крестильный, и голубой, затканы молитвой — очере для меня дороже). Сандалии,— здесь я их почию. Шляпа русская — грешневик — сероватобелая вятской валки — очень прошу все послать. Если сохранились полотенца — то прошу с о х р а н и т ь одно: на конце вышит зверь, на другом двуглавый орел — шитье моей матери: подарен мне ею на именины, когда я выучился грамоте. Все дорогое, все милое! Все жестоко оскорбленное! Простите, Бога ради, за беспочвенность. Но иначе пока нельзя! Что хорошего у Сережи? и вообще у писателей? Что слышно из Оргкомитета о моем заявлении. Писал я туда просьбу сохранить мои рукописи⁴. <Н>ельзя ли узнать, принято ли это к сведению? <Будет> больно за свои писания, если они пропадут раньше меня самого. Хотя бы осталось кое-что из песен моих последних лет⁵. Так иногда думается, не для честолюбия, а для истины. Мой друг Лев Иванович Пулин⁶, который жил у меня, сослан в Сибирь же в Маринский лагерь на три года, — пишет мне удивительные утешающие письма, где нет ни слова упрека за заблужденную прекрасную юность. Вы его не знаете, но, быть может, видели когда-либо. Упоминаю об этом юноше как об исключительном событии в моей жизни поэта.

Горькому я не писал — потому что Крючков⁷ все равно моего письма не пропустил.

Нельзя ли поговорить с писателем Тренивым о ковре, который хвалил Игорь Грабарь⁸, не купит ли он сам его — или не укажет ли покупателя и не узнает ли цены у Грабаря?

Вуру — ковер из вогульских вышивок можно бы предложить кустарному или этнографическому музею. В глиняной керамичной курице, которая стояла у меня на печке — положены в бумаге — серебряные кресты и медный тельник с изображением Егория Побе<до>носца. Уцелела ли курица? Если да, то один круглый крест я благословляю Егорушке, а медный тельник и простой крест с толстым ушком положите мне в посылочку! Очень об этом прошу! Что пишет Сережа? Как он себя чувствует? Пусть утешится, правда ведь всегда круглая! Я скучаю о нем часами остро и невероятно. Итак, я остаюсь в Сибири: «Вон ссыльный дедушко идет», — покажут мне вослед ребята — на нашем переулке, когда я понесу это письмо на почту. Да, ссыльный дедушко! Так велит судьба. Ни о чем не сожалея, страдною тропею проходит душа.

Ценное письмо получил⁹. Благодарю.

Простите. Не забывайте!

Здоровье мое тяжкое.

1 апреля. Посылку¹⁰ пока еще не получил.

¹ Первый лист этого письма в АК не найден.

² Л е с т о в к а — четки у старообрядцев.

³ Скорее всего эта прошва была подарена Ключеву В. А. Дынник, женой известного фольклориста Ю. М. Соколова. Как это произошло, рассказывается в письме В. А. Дынник К. М. Азадовскому от 12 января 1976 года: «Как-то Ю[рий] М[атвеевич] пришел домой и с радостной улыбкой сообщил мне, что сегодня вечером Ключев будет у нас читать свою поэму. Собралось несколько человек, друзей. Ключев стал читать. Это была поэма (довольно большая) «О кружевнице...» (по-видимому, речь идет о «Погорельщине», где кружевница Проня — одно из действующих лиц.— Г. К., С. С.). Читал предельно просто, но все было словно заколдовано. Я считаю, что совершенно свободно от всяческих суеверий, но на этот раз во мне возникло ощущение, что передо мною настоящий колдун... Стихи были хорошие, но все же не колдовские. Колдовство исходило от самого облика поэта, от его простого, казалось бы, чтения. Повееало чем-то от «Хозяйки» Достоевского. В тот же вечер, уже после чтения, произошел один маленький эпизод, который я, однако, хорошо запомнила. Сидя за ужином рядом со мною, Ключев стал внимательно вглядываться в длинную полосу холста, окаймляющую по стенке угольный диван. Это была старинная северная набойка (вернее, сочетание различных традиционных образцов набойки), вывезенная мною из Каргопольского края. И вот Ключев стал уговаривать меня поменяться с ним этой набойкой, предлагал за нее какую-то другую вещь. Я, не желая никакого обмена, потому

что этим холстом очень дорожила, отштутилась и перевела разговор на другую тему. А затем, когда Ключев уже одевался в передней, подошла к дивану, содрала со стены набойку и, кое-как свернув, отдала Ключеву» (цит. по кн.: «Русский Север: Проблемы этнокультурной истории, этнографии, фольклористики». Л. 1986, стр. 215—216).

¹ Среди просьб Ключева о помощи, содержащихся в письме С. А. Толстой-Есениной, отправленном из Колпашева 17 июня 1934 года, была и такая: «Просить Г. П. У. передать мои рукописи в архив Оргкомитета — писателей» (Государственный музей Л. Толстого, АСТ-Е, № 20551).

² Письмо поэта в Оргкомитет СП (текст его нам неизвестен), очевидно, сыграло свою роль в том, что некоторые рукописи его «песен последних лет» поступили в итоге из ГПУ на государственное хранение: на подавляющем большинстве рукописей, ныне составивших личный фонд поэта в Архиве советских и зарубежных писателей ИМЛИ АН СССР (ф. 178), стоят инвентарные номера Литературного музея Всероссийского Союза писателей — учреждения, первым принявшего в 30-е годы ключевские (в основном черновые) рукописи в свои фонды.

³ Л. И. Пулин (1908—1969) позднее (в 50 — 60-е годы) работал техническим редактором Приокского книжного издательства. (Сообщено В. Я. Лазаревым.) Письма поэта Л. И. Пулину утрачены. (Сообщено А. А. Пулиной.)

⁴ Крючков Петр Петрович (1889—1938) — секретарь А. М. Горького. Одна из дневниковых записей Мих. Слонимского дает ясное представление о репутации П. П. Крючкова в писательской среде: «В доме Горького приблизительно с 1933 года стали ощутимо господствовать Ягода и его подручный Крючков» («Нева», 1987, № 12, стр. 171). Эти слова Слонимского, безусловно, подтверждают, что опасения Ключева, которыми он поделился с В. Н. Горбачевой, были более чем обоснованными.

⁵ См. письмо 6, прим. 2, и письмо 11, прим. 6.

⁶ 13 марта 1935 года В. Н. Горбачева отправила в Томск письмо ценностью 100 рублей (квитанция в АК). По его получении Ключев писал: «Горячо благодарю за хлопоты. Свидетельство получил. Приветствую Сережу. Благословляю Георгия. Простите! Н. К. 28 марта» (открытка, пришедшая в Москву 3 апреля). Документ, о котором здесь идет речь, — это «инвалидное свидетельство» (см. письмо 10). В АК сохранилась его копия, рукой В. Н. Горбачевой сделанная, очевидно, непосредственно перед отправкой документа в Томск (заверена почтовым штемпелем: «Москва 34 Фрунзенский 13.3.35—7», то есть 13 марта 1935 года). Приводим текст этого документа:

«Отдел здравоохранения Ленинградского Облсполкома
и Ленинградского Совета

Бюро врачебной экспертизы Улица Пролеткульта, д. № 1
Акт освидетельствования № 2245

25-го февраля 1930 г.

Первое освидетельствование

Переосвидетельствование

(подчеркнуть)

№№ прежних протоколов

обл Олонечная
окр
Район
гор. Вытегра

Фамилия Ключев

Имя Николай

Год рождения, возраст 43 год[а]

Улица Герцена, д. 45, кв. 8

Место жительства

Поэт

Основная профессия

Образование: грамотн, малограмотн, неграмотн, среднее, высшее, специальное (какое именно)

Диагноз (перечень всех заболеваний):

Кардиосклероз, артериосклероз. Склероз мозговых сосудов.

Истерия. Расширение вен прав[ой] голени.

Заключение Бюро Врачебной Экспертизы

Группа в т о р а я

Переосвидет. через — нет

Нет ли состояния беспомощности: —

Дополнительные замечания:

Подписали:

Председатель Комиссии (подпись)

Ответст. Руководитель. В. В. Э.

Эксперты (подписи)

(подпись)

С подлин. верно (подпись)

25/II 30 г.

Печать: Бюро врачебной экспертизы.

¹⁰ Посылка (5,5 килограмма, ценность 200 рублей) была отправлена в Томск 21 марта 1935 года (квитанция в АК).

15. В. Н. ГОРБАЧЕВОЙ

«Томск, первая декада апреля 1935 г.»¹

...с малиновой бахромой. Платок желтовато-золотистый шелковый без кисточек и повойник черный атласный. Гребешок костяной: вырезан посредине двуглавый орел, по бокам его единороги. Чашку синюю с блюдцем, граненую. Ска-

терть из холщёвых квадратов — вышитую синим и красным, и полотенце — на одном конце двуглавый орел, на другом зверь — вышиты в пятах красным, Икону-складень Неопалимая Купина, по краям медная оковка, и к нему лампадка — ушки херувимами, — вся прорезана в узор, цепочки такие же, внизу подвешено фарфоровое яичко. Книгу Псалтырь — в коричневой гладкой коже, углки и средин серебряные, в толщину листы золоченые. Все это принадлежало моей матери. По Псалтырю этому я учен мамой грамоте. Псалтырь — книга в длину четверти три, в ширину $1\frac{1}{2}$ четверти. Вот и все, что я умоляю Вас спасти. Остальное, если есть возможность, — продавайте. Я напишу одному человеку об иконах, он придет к Вам с моим письмом и, быть может, купит иконы. Какая бы была радость раздобыть деньжонок! Сообщите мне — передал ли Оргкомитет мое заявление в ЦИК? Как, возможно ли подать заявление о помиловании? Сообщите мне адрес Пришвина — я попытаюсь поговорить с ним. Очень прошу об этом! Как живет П. Васильев, крепко ли ему спится? Где пьянист — Оборин? Это мне — любопытно. Еще раз прошу потерпеть меня и мою беду. Кланяюсь земным поклоном Сереже, благословляю Вашего первенца. Простите. Прощайте! Посылку и деньги 20 руб. получил¹ — Жизнь Вам и свет за сердце милующее. Адрес прежний: Переул[ок] Крас[ного] Пожар[ника]. Изба 12 — мне.

Кланяюсь весенней Москве!

¹ Письмо датируется по содержанию и в связи с письмом 14 (см. также прим. 5 ниже). Начало письма в АК не найдено.

² См. письмо 10, прим. 2.

³ Ср. проект подачи такого заявления в письме поэта Н. Ф. Христофоровой-Садомовой, датированном концом 1935 года: «Конечно, лучше бы всего устроить подачу помилования трем представителям искусства: Н. А. (Обуховой.— Г. К., С. С.) от сцены, Кончаловского от живописи и от литературы Вересаева. Всем трем и явиться к Калинин. Он русский и зорко провидящ, и, конечно, понял бы, что такая подача челобитной значительна политически и незабвенна историей искусства. Положение мое очень серьезно и равносильно отсечению головы, ибо я, к сожалению, не маклер, а поэт. А залить расплавленным оловом горло поэту тоже не шуточно — это похуже судьбы Шевченка или Полежаева, не говоря уже о Пушкине, которого царь Николай I-ый (ошибка Ключева; нужно — Александр I.— Г. К., С. С.) сослал... и куда же? — в родное Михайловское, под сень Тригорских холм<ов>. Я бы с радостью туда поехал. Поплакал бы, пожаловался бы кое на что могилке Александра Сергеевича!

Не жалко мне себя, как общественной фигуры, но жаль своих песен-пчел сладких, солнечных и золотых. Шибко жалят они мое сердце. Верю, что когда-нибудь уразумеется, что без русской песенной соли пресна поэзия под нашим выюжным небом, под шум плакучих новгородских берез. С болью сердца читаю иногда стихи фанерных знаменитостей в газетах; какая серость! Какая неточность! Ни слова, ни образа. Всё с чужих вкусов. Краски? Голый анилин, белила да сажа. Ведный Врубель, бедный Пикасс, Матис<с>, Серов, Гоген, Верлен, Ахматова, Верхарн! Ваши збри, молнии и перлы нам не впрок! Очень обидно и жалко» (ИРЛИ, р. 1, оп. 12, ед. хр. 534, лл. 20—20 об.; частично опубликовано: «Красное знамя» (Вытегра), 19 октября 1985 года).

⁴ Оборин Лев Николаевич (1907—1974) в это время находился в составе советской музыкальной делегации в Турции (Арканов В. С., «Триумфальная поездка». — «Известия», 7 мая 1935 года).

⁵ О посылке см. письмо 14, прим. 10. 25 марта в Томск был отправлен телеграфный перевод на 30 рублей, а 10 и 14 апреля — телеграфные переводы соответственно на 40 и 25 рублей (квитанции в АК). Исходя из дат отправки посылки и тридцатилевого перевода, можно думать, что Ключев здесь ошибся, назвав полученную им сумму (вместо 30 — 20 рублей). Если это так, то комментируемое письмо датируется первой декадой апреля (так как оно, очевидно, написано до получения переводов на 40 и 25 рублей, не упомянутых в нем).

16. В. Н. ГОРБАЧЕВОЙ

«Томск, 9 мая 1935 г.»

Получил 140 и 45¹. Горячо благодарю. Пишу на почте. На праздник писал подробное заказное². Еще раз ото всего сердца благодарю. 9 мая³. Адрес прежний.

¹ Телеграфные переводы, отправленные 29 апреля и 7 мая 1935 года соответственно (квитанции в АК).

² Это письмо в АК не найдено.

³ Год установлен по почтовому штемпелю на этой открытке.

17. В. Н. ГОРБАЧЕВОЙ

<Томск,> 25 июля 1935 <г.>

Горячо благодарю Вас, дорогая Варвара Николаевна, за сердоболье и милосердие ко мне горькому и недостойному. Гостинец Ваш по почтовому переводу получил¹. Летние месяцы старался Вас не беспокоить своими письмами. Знаю, как Вам дорого обходится летний отдых и как он нужен для Вас. На Вашу милостыню я жил в последние месяцы, как никогда. Купил пшена, чаю, сахару, каждый день хлеб и молоко, но жилища не смог переменить, хотя и были и по внутренним и внешним условиям благие и прекрасные кельи. К несчастью моему, не дешевле сорока рублей в месяц. У меня же общая изба, где народу 14 человек — мужичья и баб с ребятами. Моя бедная муза глубоко закрыла свои синие очи, полные слез и мучительных сновидений. Пусть спит до первой утренней звезды! С тревогой и болью смотрю на первые хмурые тучи, на желтеющий уже березняк — показатель ранней сибирской 8^{ми}-месячной зимы. Как-то буду я коротать ее?

Здоровье мое сильно пошатнулось — лежал в больнице десять дней. Какая-то незнакомая доселе болезнь сердца и желудка: невыносимая боль. Лежал десять дней за плату 6 руб. в сутки. Бесплатно ссыльным лекарства и больницы не полагается. Часто вспоминаю свои «заявления», где они и читал ли их кто? Есть ли вообще надежда на помощь мне и спасение?

Как живут поэты? Вспоминает ли кто меня. Или все слишком заняты собой. Обидней всего, что Ленинград молчит², а ведь ему я отдал много сердца, денег и хлеба-соли. Как чувствует себя Васильев? Каковы его победы?

<Часть текста утрачена> зиму. В феврале <минет два> года, а там потужился бы и на третий. Удивляюсь малодушию моих знаменитых друзей. Вы пишете, что они отнеслись очень холодно к моему самосожжению³. Мужики так не поступили бы. Но всему свое время. Нельзя ли сообщить мне адрес Пришвина и как его по батюшке? Нельзя ли поговорить с Мстиславским⁴. Узнать в Оргкомитете, сделано ли что-либо по охране моих многолетних рукописей. Я писал в Орг — об этом заявлении.

Пронзает мое сердце судьба моей поэмы «Песнь о Великой Матери»⁵. Создавал я ее шесть лет. Сбирал по зернышку русские тайны... Нестерпимо жалко. Как гостил Жан-Кристоф⁶? Увидел ли он святого <Христофора>⁷ на русских реках? <Часть текста утрачена.>

Кланяюсь земным поклоном. Не забывайте меня горького.

Кланяюсь прекрасной Москве.

Если можно, вышлите летнее пальто и нельзя ли добыть каких-либо брюк — покрепче — мои совсем развалились. Очень бы желательны какие-либо штиблеты, размер 43. Хотя бы держаные.

Простите. Не осудите.

Благословляю Крестника. Потерпите малость мои вопли. Еще раз кланяюсь. Н. К.

¹ Тридцать рублей, отправленные в Томск 14 июля 1935 года (квитанция в АК).

² А. Н. Яр-Кравченко в то время жил в Ленинграде.

³ Так именует поэт свою ссылку. Ср. строки из письма 1: «Я сгорел на своей Погорельщине, как некогда сгорел мой прадед протопоп Аввакум на костре пусто-зерском».

⁴ Мстиславский (Масловский) Сергей Дмитриевич (1876—1943) — писатель, общественный деятель. В 1916—1917 годах был одним из соредкторов известных сборников «Скифы», где печатался Ключев.

⁵ Полный текст этой поэмы до сих пор не найден. Сохранившееся начало ее опубликовано: «Север», 1986, № 9, стр. 104—106, в тексте статьи Л. Швецово и С. Субботина «„Эти гусли — глубь Онега...“ (Из повзнии Николая Ключева конца 20-х — начала 30-х годов)», а также (частично) в кн.: Ключев Н. Завещание. Избранные стихи. (Библиотека «Огонек», № 22) М. «Правда», 1988, стр. 44—49.

⁶ Ключев именует так Ромена Роллана, побывавшего в СССР в июне — июле 1935 года.

⁷ Будучи в ссылке, Ключев читал роллановскую эпопею «Жан-Кристоф». Об этом свидетельствует письмо поэта Н. Ф. Христофоровой-Садовой от 21 апреля 1935 года (его полный текст см.: «Красное знамя» (Вытегра), 22 октября 1985 года). Вторая половина этого письма от слов «Жизнь проходит...» до слов «...ладони твоих рук» является (исключая восклицание другого происхождения «Смертию смерть поправ!») точной (хотя и с пропусками) цитатой из вступления к десятой книге «Жан-Кристофа» (Ср.:

Ролла в Р. Жан Кристоф. Том X. Грядущий день. Пер. А. Н. Горлина. Пб. 1922, стр. 11—12). Конъектура «Христофор» кажется оправданной, ибо именно о святом Христофоре, переходящем реку, говорится в финале «Грядущего дня».

18. В. Н. ГОРБАЧЕВОЙ

«Томск» 25 октября «1935 г.»

Дорогая Варвара Николаевна. Клянюсь Вам земно и благодаря кровно за милосердие Ваше. Прихожу с почты¹, получив от Вас переводы — и рыдаю в своей конуре, стираюсь сердцем к Вам, целую ноги Ваши — «неза»бвенная светлая сестра «несколько слов утрачено» «чем я» только заслужил «несколько слов утрачено» помощь «часть текста утрачена» «глаза»ми, полными горь-
«ких» «несколько слов утрачено» слез, прошу Вас пожер«твовать для» меня еще некоторое время — может, меня Господь простит и я умру в жизнь вечную.

Какое здесь прекрасное кладбище — на высоком берегу реки Томи, березовая и пихтовая роща, есть много замечательных могил... Но жаворонков и сельских ласточек по весне здесь не слышно. Ласточки только береговые, и множество сизых ястребов. Еще до Покрова выпал глубокий снег, ветер низкий, всешарящий, ищущий и человечески бездомный. Мой знакомый геолог² говорит, что и ветер здесь ссыльный из Памира или из-за Гималаев, — но не костромской, в котором сорочий щёкот и овинный дымок. Как Москва? Как писатели и поэты — как они, горемыки миленькие, поживают. Жалко сердечно Павла Васильева³, хоть и виноват он передо мною черной виной⁴. Переживу зиму — на весну отправлюсь. Теперь же я болен. Лежал три недели в смертном томлении, снах и видениях — под гам, мерзкую ругань днем и смрад и храпы ночью. Изба полна двуногим скотом⁵ — всего четырнадцать голов. Не ему мои песни. Лютый скот не бывал в Гостях у Журавлей⁶. Может ли он быть любим? Но блажен тот, кто и скота милует! «Часть текста утрачена.»

«Копию» инвалидного свид[етельства]⁷ вышлю. Никак не могу сбить 25ти руб. на нотариальные расходы. Стараюсь. Волнуюсь. Помогите, Свете Тихий, Матерь-роза и простое человеческое Сердце!

Пожалейте меня, не бросайте!

Ваш раб и поэт, не лукавый должник, оставляющий долги всем врагам своим, несущий к Вашему порогу пригорюшку горячих слез, с обожанием и преданностью истинной Н. Клюев. Благодарю, благодарю!

Простите. Не осудите.

Адрес прежний. Переводы 60 р. и 40 р.⁸ получил.

Как поживает Осип Эмильевич⁹? Я слышал, что будто он в Воронеже?

¹ В этот раз поэт получил от В. Н. Горбачевой телеграфный перевод на 45 рублей, отправленный 24 октября 1935 года (квнтанция в АК).

² 22 февраля 1935 года Клюев писал Н. Ф. Христофоровой-Садомовой: «Я познакомился с одной, очень редкой семьей — ученого геолога. Сам отец — пишет какое-то удивительное произведение, ради истины, зарабатывает лишь на пропитание, но не предаёт своего откровения. Это люди чистые, и герои. Посидеть у них приятно. Я иногда и ночью у них. Поедет сам хозяин в Москву, зайдет к Вам — он очень простой — хотя ума у него палата» («Красное знамя» (Вытегра), 19 октября 1935 года). Так думал Клюев о Ростиславе Сергеевиче Ильине (1891—1944), выдающемся почвоведом и геологе, чьи труды предвосхитили позднейшие достижения почвоведения, геоморфологии и других разделов геологии. Достаточно сказать, что Р. С. Ильин первым еще в 1932 году теоретически предсказал западносибирскую нефть именно там, где спустя несколько десятилетий были найдены основные ее месторождения (см.: Хахлов В. А., Рагозин Л. А., Славнин Д. П. «Ростислав Сергеевич Ильин (к 75-летию со дня рождения)». — «Геология и геофизика» (Новосибирск), 1966, № 12, стр. 126—129). Сохранившиеся письма Р. С. Ильина В. И. Вернадскому содержат следующие автохарактеристики мировоззренческого характера: «Из русских философов мне близки — Вл. С. Соловьев, но в сущности не как философ, а как гениальный поэт, затем Н. Ф. Федоров, но с ним у меня расхождение по основному вопросу, — он считал природу слепой силой, губящей человека, а потому призывал науку к преодолению этой враждебной силы. У меня же получилось наоборот, — победа над природой возможна лишь тогда, когда она (каждое изменение термодинамического поля) воспринимается как дар, в противовес которому на основании диалектического закона борьбы противоположностей создается новое, еще невиданное качество, — новый талант. <...> Ошибка Н. Ф. Федорова очевидна, — природа может быть названа враждебной силой только тем существом, которое в общении с ней не накапливает новых качеств, а лишь утверждается в своих старых качествах, отгораживаясь создаваемым своим термодинамическим полем от общеклиматического

термодинамического поля; то есть природу может назвать враждебной только руководящая фауна, а не <фауна>, переходящая в будущий геологический цикл» (из письма от 1 января 1934 года. — Архив АН СССР, ф. 518, оп. 3, ед. хр. 679а, лл. 3 об. — 4); «Для меня диалектика, — это мой природный метод мышления, развитый во мне воспитанием моими отцом и матерью, православными людьми, черпавшими свои образы из Евангелия, которое все напитано борьбой противоречий, трагедией бытия как в его будничных деталях, так и в его космических масштабах. <...> Протестантизм, — он бесполетен в идеях, он антидиалектичен, он построен на бегстве от Евангелия с его борьбой противоречий, с его космической трагедией, — на бегстве к Ветхому завету, где нет трагедии, т. е. в мещанство. (Мещанство, — отсутствие сознания трагичности и антиномичности нашего существования, — отсутствие сознания обступающих нас противоречий, борьба с которыми движет жизнь.) Классическим примером ученого-мещанина является Дарвин. <...> Кроме того, диалектике нельзя научиться обычными методами человеку, живущему не в том мире идей, — подсознательная диалектика неизмеримо выше „сознательной“» (из письма от 13 марта 1935 года. — Там же, лл. 8—8 об.). Эти высказывания Р. С. Ильина демонстрируют масштаб его творческой личности, проницательно угаданный Клюевым. О теплых, дружеских отношениях, сложившихся между поэтом и ученым, вспоминает жена Р. С. Ильина Вера Валентиновна: «Клюев часто бывал у нас, и мы всегда были ему рады. Он умел открывать людям тот прекрасный мир, который видел вокруг себя. <...> При нем все окружающее становилось ближе, уютнее, милее. <...> Говорить своим образным языком о том, что ему дорого, Клюев мог только в соответствующей обстановке и далеко не со всеми. Детская возня даже в соседней комнате делала его молчаливым, и он спойно сидел рядом с Ростиславом Сергеевичем, пока тот писал, и ждал, когда дети заснут. Мне даже казалось, что мое молчаливое присутствие ему мешало, потому что самое интересное он рассказывал уже тогда, когда я не могла больше бороться со сном и засыпала, т. е. вставала очень рано. Их беседа длилась долго и доставляла Ростиславу Сергеевичу большое удовольствие. Он оставался у нас ночевать» (ИРЛИ, р. 1, оп. 11, ед. хр. 138, лл. 4, 5). Думается, отголоском общения с поэтом является следующее место из письма Р. С. Ильина В. И. Вернадскому от 13 марта 1935 года (цитированного выше): «Увы! если бы я был религиозным человеком! Я лишен этого дара, лишен дара молитвы, я сын своего рассудочного века. Увы, я не верю, — а только знаю, т. е. признаю реальные факты» (Архив АН СССР, ф. 518, оп. 3, ед. хр. 679а, л. 9 об.).

Скорее всего к тому времени Клюеву стало известно о появлении в печати («Правда», 24 мая 1935 года) письма группы литераторов, требовавших принятия «решительных мер» против П. Васильева вплоть до его юридического осуждения.

Ср. в связи с этим упоминания о П. Васильеве в письмах 6, 10, 15, 17. По свидетельству тогдашнего редактора «Известий ВЦИК», председателя Оргкомитета СП И. М. Гронского, П. Васильев (бывший ему родственником — они были женаты на сестрах и жили в одной квартире) как-то в разговоре мимоходом коснулся некоторых сторон интимной жизни Клюева, не укладывавшихся в общепринятые рамки. Реакцию Гронского на это вряд ли можно расценивать как адекватную — по его собственному признанию, он позже позвонил Ягоде и потребовал немедленно выслать Клюева из Москвы (Гронский И. М., «С. А. Есенин, Н. А. Клюев и другие крестьянские писатели [Выступление в ЦГАЛИ 30 сентября 1959 г.]». — ЦГАЛИ, ф. 1337, оп. 3, ед. хр. 45). Из того же выступления Гронского со всей определенностью следует, что он питал к Клюеву неприязнь идеологического характера. Поэтому весьма вероятно, что походя брошенное П. Васильевым замечание о Клюеве послужило для Гронского лишь поводом, а не главной причиной его обращения к Ягоде. Во всяком случае, степень истинности объяснения Гронским мотивов его поведения по отношению к Клюеву проверке не поддается. С другой стороны, нам неизвестно, на каких конкретных основаниях сам Клюев негативно оценивал роль П. Васильева в своей судьбе; вовсе не исключено, что клюевская оценка могла возникнуть и как результат целенаправленной дезинформации поэта соответствующими заинтересованными лицами.

Ср., однако, с рассказом поэта о его соседях по жилью в письме 20.

«В гостях у журавлей» — название стихотворного сборника С. Клычкова (М. 1930). В последующих письмах Клюев не раз называет Клычкова милым Журавлем или Журавлиным Гостем.

См. письмо 14, прим. 9.

Почтовые переводы, отправленные 17 сентября и 7 октября 1935 года соответственно (квитанции в АК).

О Э. Мандельштам. Об этом периоде его жизни см.: Штемпель Н. Е., «Мандельштам в Воронеже» («Новый мир», 1987, № 10, стр. 207—234).

19. В. Н. ГОРБАЧЕВОЙ

Томск, 25 ноября <1935 г.>.

Извещаю Вас, дорогая Варвара Николаевна, что последний перевод сорок рублей² я от Вас получил. Благодарю за милосердие и заботу обо мне недостойном. Давно бы погиб без Вашей помощи чудной и светлой милостыни. Всякий раз, как получаю от Вас весточку, умываюсь слезами. В моей жестокой и мрачной обстановке — великая радость всякое доброе слово из другого мира — от милых и заветных людей.

Фининспектор, обходя свой район, спрашивал и меня, на какие средства я живу. Я сказал, что доверенное лицо в Москве продает мои вещи и высылает мне на пропитание от 60 — до 100 рублей в месяц. Когда как. Иногда побольше, иногда поменьше — в зависимости от продажи. Быть может, что спросят подобное и Вас. Местное начальство мне сказало, что все заявления на имя Москвы должны идти через Томское начальство. Не знаю, как быть? Напишите мне — можно ли непосредственно³. Я живу, как в тумане, ничего не слышу и не вижу, и многое перестал понимать. Здоровье мое очень плохое. Был на просвечивании — кабинет выдал мне отчаянную бумажку по сердцу и по желудку. Быть может, скоро меня Господь простит.

Слышал я, что Павел Васильев уехал из Москвы⁴. Это меня очень и весьма удивило. Быть может, Вы знаете или слышали подробности. Очень любопытно.

Кланяюсь Сереже, благословляю Егорушку. Прощайте, все милые, драгоценные люди! Зловещ и темен мой жизненный вечер. Сибирская пурга да волчий вой — последние мои песни.

Целую Ваши ноги.

Искупаю слезами свои грехи. Простите!

Адрес прежний.

<Приписка на обороте листа:> Купил на зиму угля на 80 рублей, две тонны. Значит, не замерзну, от холода избавлен. Что будет с голодом?

¹ Год отправления устанавливается по содержанию.

² Квитанция на этот перевод в АК не найдено. Сохранилась квитанция отправки (4 ноября 1935 года) телеграфного перевода на 95 рублей, очевидно, предшествовавшего тому, о котором говорится в этом письме.

³ В январе 1936 года в открытке Горбачевой поэт вновь возвращается к этой теме: «Получил телеграфом сорок рублей, благодарю сердечно. Жду ответа об условиях подачи заявления. Простите. Н. К. 22 января» (АК). Тот же вопрос и в февральской открытке: «<П>ишу на почте, получил 25 почтой, 100 телеграфом. Благодарю! Как д<ела> с заявл<ением?> 4 февраля» (АК).

⁴ Здесь Ключев, по-видимому, дает понять, что ему стало известно об аресте П. Васильева, последовавшем за соответствующим публичным требованием группы литераторов (см. письмо 18, прим. 3).

20. В. Н. ГОРБАЧЕВОЙ

23 февраля <1936 г.,> Томск.

Получил Ваше письмо и переводы (115 и 180 р.¹), дорогая Варвара Николаевна! Обрадовался всему этому до слез — правду сказать, разрыдался — по-ребячьи или по-стариковски — не знаю, но теплотой повеял мой угол, и маленько я успокоился.

Купил молока, муки белой, напек оладий², заварил настоящего трехрублевого чая, а когда собрал стол, то и пить не мог, все бормотал, шептал и звал любимых — со мной чайку испить! И они пришли. Первой явилась маменька — как бы в венчальной фате, и видима почти по колени³, потом дядюшка Кондратий в отсвете самосожженного сруба⁴, Сереженька — сильно неподвижный, не освободившийся⁵, Александр, Николай, Владимир, Ильяша⁶ — все отошедшие, но в неистребимой силе живущие, даже до цвета и звука! До Ваших переводов как-то мне не елось, не пилося, теперь же я приотъелся, починился, часто заходил в баню, — это мое любимое учреждение в Томске. Переулок, где я живу, по ворота и до крыш завьюжен снегом, но уже начали сизеть и желтеть зори. Я часто хожу на окрай оврага, где кончается Томск, — впиваюсь в заревые прѣдухи, и тогда понятней становится моя судьба, судьба русской музы, а может быть, и сама Жизнь-матерь. Но Сибирь мною чувствуется, как что-то уже не русское: тугой, для конских ноздрей, воздух, в людской толпе много монгольских ублюдков и полукровок. Пахнущие кизяком пельмени и огромные китайские самовары — без решеток и душника⁷ в крышке. По домам почему-то железные жаровни для углей, часто попадается синяя Тянь-Дзинская⁸ посуда, а в подмытых половодьями береговых слоях реки Томи то и дело натыкаешься на кусочки и черепки не то Сиама, не то Индии. Все это уже не костромским сусликом, а каким-то кумысом мутит мое сердце: так и блѣкнут и гаснут дни, чую, что считанные, но рѣковое никакой метлой не отметишь в сторону. Не могу надивиться, что складень Неопалимая Купина оказался писанным в Казани в 19м веке!⁹ По каким это данным? Выменян он в 60-х годах от последнего Большака знамени-

той Даниловской обители¹⁰ иже на реце Выге у понта Океяна-моря, а принадлежал он Андрею Денисову — писателю книги Поморские Ответы¹¹. Письмо называется иконо-Поморское. Складень подписной одинаковой графьей¹² со всеми имеющимися на нем подписями. Обыкновенный прием у антикваров — охаять вещь — пустив в ход свой авторитет — оповестить об этом и любителей, которые все у них на счету, а потом через десятые руки, якобы простачка, вырвать у разочарованного владельца — вещь за дешевку. Я напишу в Москву одному человеку, который в свое время хотел у меня купить этот складень. Если он придет к Вам с моим письмом — то покажите складень — получите деньги, не задерживая переведите их мне. Да порядитесь — чтобы деньги были уплачены сразу, а не по частям. А не то ведь вечно около предметов искусства наслаивается множество разнообразных мнений, а это может затормозить выплату. Уж потрудитесь! Зловеще, но для меня не неожиданно — рассказали Вы об Анатолии, он пьян призрачным успехом, до первого пинка, до первого испытания, котор<ое>¹³ для него может оказаться громовым ударом и поразит насмерть. Еще немного, и его путь упрется в пулю или в цианистый кали. Не первого такого встречаю я на своем веку. Ужасаясь и содрогаюсь и за это обольщенное дитя!¹⁴ Ничего я от него не прошу. «Правду говорят: не спеши волчонка хвалить, дай зубам у серого вырасти. Слётыш, материнo молоко на губах не обсохло, а клони перед ним седую голову!» «Не от сильного, не от могучего, не от знатного, от властного — от своего выкормка терплю предательство и поношение!» «Ему расти, мне же малйтися! Что ж? Господня воля!.. Благо ми, яко смирил мя еси Господи! Да это что? Трын-трава! Знали бы Вы сердце мое, ведали бы думы мои сокровенные!» «Как Волги шапкой не вычерпаешь, так и слез моих не высушишь!»... Поневоле вспомнишь Потапа Максимыча Чапурина и Алешку Лохматого¹⁵. И сивушек ему Максимыч подарил, и одел в бархат, и бородой щеки ему, как кровному да родимому, ластил¹⁶, ан вот что получилось! Свирепая душа Поромовского токаря сказала¹⁷. Ежовую щетину и бархатом не украсишь! Прошу Вас при встрече с Толей и виду не показывать, что Вы знаете мое душевное землетрясение и что его модная фигура пока мне одному в полнине понятна! Как Вы узнали Обухову¹⁸? Продавайте все, что можно и что покупают. За все буду глубоко благодарен! Здоровье мое все хуже. Боли в области живота здешние врачи объясняют язвой желудка, — которая быстро увеличивается. Сердце не дает покоя, особенно ночью. Я скоро и тяжело устаю от ходьбы. Жилище мое без тишины — с 5 часов утра до 10—11 ночи. Слава Богу, что огромный вшивый лишай, занимавший часть шеи, плечо и половину живота, очистился. Это для меня большое облегчение.

Одним словом, преувеличивать нечего, — кой-что пережито и кой-чему я научился и многое понял. Особенно музыку. Везде она звучала — и при зареве костров инквизиции, и когда распускается роза. Извините меня за эти известные¹⁹ строки! До Прощеного Воскресенья²⁰ бабы и мужики — соседи по избе всю неделю пили и дрались, сегодня же, к моему изумлению, все перекланились мне в ноги, стукая о пол лбом: «Прости, мол, дедушка, знаем, что тебя обижаем!» И я всем творил прбщущу. Весь этот народ — сахалинские отщепенцы, по виду дикари, очень любят сатиновые, расшитые татарским стёгом рубахи, нежно розовые или густо пунцовые, папахи дорогого кашмира с тульёй из хорошего сукна, перекрещенной кованым серебряным галуном, бабы любят брошки «с коралловой головой», непременно в золоте — это считается большой модой — и придает ценность и самой обладательнице вещи. Остается по юртам носить на шею биреный панцирь, с огромным аквамаринoм посредине; прямо какая-то Бирма! Спят с собаками. Нередко собака служит и подушкой. Избы у всех обмазаны изнутри, тепла ради, глиной и выбелены. Под слоями старого мела — залежи клопов. В обиходе встречаются вещи из черной меди, которые, наверное, видели Ермака и бывали в гаремах монгольских Каганов. Великое множество красоты гибнет. Купаясь в речке Ушайке, я нашел в щелке крест с надписанием, что он из Ростова и делан при князе Владимире. Так развертывается моя жизнь в снегах сибирских. Покоя нет. Всегда под угрозой, что тебя отправят в Березов²¹ или на Чукотский полуостров. Хотелось бы умереть под широкой весенней березой, когда еще клейкий пушок с листочков не съели тундровые вихри, и чтоб в тоненькую дудочку наигрывала отходную лазоревая птичка. Об этом мое моление к вечным звездам! Обыкновенно при перебрoдке ссыльные посылают телеграммы

своим ближним, и те хлопочут перед Верховным Прокур<ор>ом об оставлении. Если Вы, дорогая Варвара Николаевна, получите от меня такую весту, то от моего великого несчастья прошу Вас — сходить тогда в Камеру Прокурора — объяснить ему, что я уже был в Нарыме, теперь в Томске, и что я и так скоро умру, так как непоправимо и тяжело болен! Но все это не медля ни на час после телеграммы, ибо на сборы времени не дается. Заявление во ВЦИК я вышло отдельно²². Что делает Журавинный Гость²³? Как живет? В Томске есть кой-кто из милых и тоскующих по искусству людей, но я боюсь знакомиться с ними из опасения, как бы наша близость не была превратно понята. Приходил ко мне юноша с лирическими великолепными стихами, но так как стихи были сплошь лиричны, по музыке, чувству, краскам и слову изумительны, но²⁴ я не сказал о них правды, а послал поэта в местную газету, чтобы он был ближе к жизни. Очень меня волнует судьба Васильева²⁵, не знаете ли Вы его адреса? Видели ли Вы что-либо из живописных работ у Толи? Не припомните ли, какими словами он вспоминал меня? Он мне ничего не пишет, и адреса его я не знаю. Очень бы хотелось написать Осипу Эмильевичу, но его адреса я тоже не знаю²⁶. Что выходящегося в поэзии? Я ничего не вижу, а газет не читаю, ибо стихотворные нужно покупать где-то и каким-то особым умением, а в местной — все местное. Тепло ли у вас в новой квартире? Каков Егорушко? Чай, уж ходит и говорит? Несмотря на бездомье и отсутствие уединения, сердце мое полно стихами. Правда, все они не записаны, а хранятся в арсенале памяти и тихо радуют меня: видно, кое-что осталось и для меня в жизни²⁷. Простираюсь сердцем на Нашёкинский²⁸. Клянюсь Вам земным поклоном. Посылку с носильными вещами получил²⁹. Все они не мои — все сгнили. Купили только в особый ларек, где принимают утиль. Один пиджак оказался покрепче, — я его продал отдельно за 15 рублей. Выло Вам беспокойства с этой посылкой! Как Вас благодарить, не знаю! 2го февраля мой печальный юбилей: исполнилось два года моего изгнания...³⁰

¹ «Квитанции утеряны» (помета В. Н. Горбачевой).

² В. Ф. Кропанев, мальчиком живший в Томске в одной избе с поэтом, вспоминает: «Мне было тогда 9 лет, брату 3 [года]. Я плохо чего помню, но вот запомнил, он нас с братом все время подкармливал блинчиками, которые очень любил и сам пек» (из письма В. Ф. Кропанева (октябрь — ноябрь 1984 года) в редакцию «Литературной газеты»: сообщено В. В. Радзишевским).

³ С. С. Гейченко пишет о поэте: «Любил рассказывать о своих снах. Во сне бывал он и в Африке, и в Голландии, Испании и Иерусалиме, встречался с Ефремом Сирином, Иоанном Богословом, В. И. Лениным» (письмо С. И. Субботину от 22 июля 1982 года). Память Н. Ф. Христофоровой-Садомовой сохранила (во многих подробностях) шесть снов, рассказанных ей Клюевым в 1931—1932 годах; героиней трех из них была его мать:

«Рассказывает Николай Алексеевич Клюев. Второй сон. Иду по переулку в Москве, впереди идет моя Маменька в старообрядческом одеянии: синий посконный сарафан, белая с штыем блузка и белая косынка. Идет она впереди и очень быстро — я не могу ее догнать. Маменька поворачивает в какой-то двор со старинными строениями, — и вижу, на дверях наклеивает записочки на белой бумаге и спешит дальше. Проходя за ней, я читаю на этих бумажках: «Христос вде оставися!» (Христос здесь утвердился) Иду за ней; она входит в квартирную входную дверь — и я, проходя, читаю ту же надпись. Войдя за ней, я вижу перед собой не комнаты, а виноградник, полный кустов с очень спелыми золотисто-лиловыми ягодами. Виноградник окружен высокой деревянной оградой, а внутри сидит Маменька на итальянском золоченом креслице, а около нее ходят два белых голубка. — «Маменька, — кричу я, — что Вы здесь делаете?» — «А вот, Коленька, сторожу виноград — идет гроза, а я смотрю, чтобы не побило виноград». — «Как же мне к Вам придти, забор-то высок?» — «Нет, Коленька, без пропуска сюда нельзя». После долгой мольбы о пропуске Маменька дает одному из голубей белую записку. Голубь берет ее в клюв и, поднявшись, перелетает через забор. Но я никак не могу поймать его. После очень долгих усилий мне удалось взять из клюва пропуск, и я при этом поранил руку; когда я раскрыв ладонь — она была вся в крови. Я со стоном проснулся, потрясенный, и почувствовал приближающееся мученичество...» (Христофорова-Садомова Н. Ф. Подлинник снов: К воспоминаниям о поэте Клюеве Николае Алексеевиче... — ИРЛИ, р. I, оп. 33, ед. хр. 100, л. 17).

⁴ Еще в 1916 году Клюев рассказывал профессору-филологу П. Н. Сакулину, что его «для по матери — „самосожженец“» (см. бланк анкеты для «Видеографического словаря» С. А. Венгерова, заполненный Сакулиным со слов поэта. — ИРЛИ, ф. 377, ед. хр. 353, л. 4).

⁵ Сереженькой Клюев неизменно называл Есенина. Очевидно, здесь говорится именно о нем. Ср. с «четвертым сном» поэта в изложении Н. Ф. Христофоровой-Садомовой: «Иду по безбрежному ледяному пространству, — рассказывает Ник(олай) Алек-

с[еевич].— Полная тьма. Натыкаюсь на какие-то небольшие кочкообразные глыбы, издающие вопли, стоны. Наклоняюсь, ощупываю и с ужасом узнаю человеческие головы, рассеянные по необозримому ледяному пространству. Эти стоны сливались в какой-то потрясающий гул, рев. Ощупываю и разбираю, что все тело погружено в ледяную, замерзшую, скованную, плотную массу по плечи. И лишь на поверхности — полузамерзшие головы с непередаваемо страдальческими глазами, открытым ртом, с перекошенными смертельной судорогой губами и всем лицом. Волосы стояли дыбом вокруг головы, твердо замерзшие, и казалось, что это вокруг огромные терновые ветви. Зубы оскалены в великом неестественном напряжении. Куда бы я ни поворачивался, желая бежать из этого ада, — всюду была одна картина сплошного нечеловеческого страдания — все головы были в одном положении, как кочны. Я все еще старался бежать и внезапно наткнулся на какой-то Знакомый Взгляд, такой же непередаваемо-ужасный, и я узнал... Я узнал одного из моих собратьев-поэтов, погибшего от собственной руки, по своей, упавшей до бездны, воле... Он тоже узнал меня, умоляюще кричал о помощи, — но я сам изнемог в этом мертвяще-ледяном вихре... Я опустился на колени и... весь скованный судорогой, проснулся... Я его узнал...» (ИРЛИ, р. 1, оп. 33, ед. хр. 100, л. 20).

¹ Кому принадлежат эти четыре имени, не установлено.

² Д у ш н и к — отверстие для выпуска пара.

³ Тянь-Дзин (Тяньцзинь) — город в Китае.

⁴ См. письмо 10, прим. 10.

⁵ То есть Выгорецкого старообрядческого общечинельства, ликвидированного царскими властями в 1853—1855 годах. В о л ь ш а к — киноварх, глава общины; личность последнего выгорецкого киноварха установить не удалось.

⁶ См. письмо 10, прим. 8, и письмо 13, прим. 2.

⁷ Г р а ф ь я — жесткий рисунок, наносимый острым инструментом по левкасу (первоначальный контур изображения).

⁸ В тексте описка («который»).

⁹ Ключеву вновь вспомнилась здесь гибель Есенина. Из написанного в 1926 году «Плача о Сергее Есенине» (его полный текст см. в кн.: К л ю е в Н. А. Стихотворения и поэмы. Архангельск, 1986, стр. 219—224) очевидно, что Ключев не сомневался в самовольном уходе Есенина из жизни. Ключев был полон мрачных предчувствий о судьбе младшего брата по поэзии задолго до его кончины. Так, еще в январе 1922 года он обратился к Есенину с письмом, в котором были такие слова: «Страшная клятва на тебе, смертный зарок! Ты обреченный на заклятие за Россию...» («Вопросы литературы», 1988, № 2, стр. 276; публикация К. Авадсовского). Ср. также с «пятым сном» Ключева в изложении Н. Ф. Христофоровой-Садомовой:

«В другой раз я видел тоже близкого мне поэта, который дошел до полного разложения своего внутреннего мира — такого светлого, радостно-красивого в ранней юности, но не устоявшего перед соблазнами жизни, перешедшего в разгул и развратность, — и Светлое Творчество его покинуло; он не сумел победить испытаний, необходимых для дальнейшего продвижения по высокой лестнице творческих откровений, — и тоже упал и разбился...

Я вижу себя в глубокой подземной пещере — тьма... Я стою и точно чего-то жду — и вот слышу: доносятся неустовые крики, все приближающиеся, все ужаснее, потрясающие, — и мимо меня сверху по узкой лестнице, уходящей в бесконечную пропасть, какие-то страшные чудовища волокут за ноги существо человеческого вида, — и при каждом шаге это существо бьется головой об острые камни несночаемых ступеней. Существо все залило кровью, и когда его тащили мимо меня — я увидел и узнал того, кто когда-то был близок моему сердцу и творческим вдохновениям. Я весь содрогнулся и зарыдал, протянул к нему руки, а он из последних сверхчеловеческих усилий вопил: «Николай, молись обо мне!» Его поглотила бездна... Я же не могу и передать потрясение всего моего существа, которое охватило меня и продолжалось и после того, как я проснулся.

Как неопишимо пагубно самоубийство! Как явно отрешает оно от всего светлого и отдаёт во власть немилосердного истязателя!

Всочью я увидел и проникся пониманием, как опасно, особенно имея дар тончайших восприятий в соприкосновении с образами Вселенной, — утратить чистоту единения с ограждающей непобедимой силой божественного света!» (ИРЛИ, р. 1, оп. 33, ед. хр. 100, л. 21).

¹⁰ Герои романа П. И. Мельникова (Андрея Печерского) «В лесах». Четыре цитаты, обозначенные Ключевым выше, взяты из диалога Чапурина с Колышкиным в финале второй книги «В лесах» (см.: М е л ь н и к о в П. И. (Андрей Печерский). В лесах. В двух книгах. Книга вторая. Пермь. 1984, стр. 428—430); вторая цитата — с изменениями, внесенными повтом.

¹¹ Ср. «В лесах» (кн. 2, стр. 428): «Ни саврасок не помнил (Алексей Лохматый, — Г. К., С. С.), ни христосованья <...> Но Потап Максимыч ничего не забыл...»

¹² «Свирепый нрав поромовского токаря (Алексей работал токарем в селе Поромово. — Г. К., С. С.) теперь весь вышел наружу» («В лесах», кн. 2, стр. 427).

¹³ Очевидно, в своем письме В. Н. Горбачева упомянула Н. А. Обухову среди тех, к кому она обращалась с предложением о покупке ключевского имущества. Н. А. Обухова оказывала и материальную и моральную поддержку поэту начиная с первых месяцев его ссылки. Еще 10 июня 1934 года Ключев писал Н. Ф. Христофоровой-Садомовой: «Получил от Н. А. 50 руб. по телег[рафу] уже в Колпашев. Сердце мое озаряется счастьем от сознания, что русская блестятельная артистка милосердием своим и бла-

городством отображает «Русских женщин» декабристов, «во глубину сибирских руд» несущих свет и милость. Да святится имя ее! Когда-нибудь в моей биографии чаша воды, поданная дружеской рукой, чтоб утолить алканье и печаль сосновой музыки моей, будет дороже золота и топазия. Так говорят даже чужие холодные люди» («Красное знамя» (Вытегра), 17 октября 1985 года). Переписна поэта и певичцы скорее всего утрачена (писем Ключева Обуховой ныне на государственном хранении нет).

* Первоначально — «неделовые». Источник этих строк не установлен.

* В 1936 году этот праздник приходился на 23 февраля.

* Берёзов (ныне Берёзово) — посёлок, районный центр Ханты-Мансийского автономного округа. Известен в истории как место ссылки сподвижника Петра I А. Д. Меншикова.

* Ср. письмо 19, прим. 3.

* С. А. Клычков.

* Так в оригинале. Вероятно, это описка и нужно читать «то».

* Видимо, именно в это время П. Васильев вышел из тюрьмы — вскоре он вернулся в Москву.

* О переписке Ключева и Мандельштама у нас сведений нет.

* Из стихотворений поэта последних лет его жизни пока известно лишь одно: «Есть две страны; одна — Больница...» («Дружба народов», 1987, № 12, стр. 141).

* Адрес дома, где жили Клычковы, — Нащокинский переулок, дом 3/5.

* Весом 13 килограммов, ценностью 200 рублей; отправлена из Москвы 10 декабря 1935 года (квитанция в АК).

* Окончание письма не сохранилось. 9 марта 1936 года Ключев отправил В. Н. Горбачевой открытку с упоминанием об этом письме: «Перевод за самовар (то есть деньги, вырученные за проданный самовар; возможно, 80 рублей, отправленные по почте 4 февраля 1936 года. — Г. К., С. С.) получил, сердечно благодарен. Послал дней десять назад Вам заказное письмо. Прошу о весточке. Низко кланяюсь. Адрес старый. 9 марта» (год установлен по почтовому штемпелю).

21. Н. Ф. ХРИСТОФОРОВОЙ-САДОМОВОЙ

«Томск, начало марта 1936 г.»

Дорогая Над<еж>да Федоровна — примите мое приветствие и земной поклон за милосердие Ваше. На последний перевод 70 руб. я написал Вам подробное письмо¹. На Ваши вопросы, в чем я нуждаюсь: тяжело нуждаюсь в обуви, нет брюк на весну и лето, шляпы, верхней рубашки или пиджака и вообще белья. Если можно с Артиста² — то я бы переделал по себе. Шляпа с его головы мне в самый раз. Мне не в чем выйти в театр, а он здесь очень хороший и главные роли на р<ед>кость³. Простите. Не <осу>дите. Жизнь Вам и крепосты!

¹ Письмо написано на открытке с изображением старца и подписью: «Феодор Козьмич умер в Томске 20 января 1864 г.». Датируется по упоминанию в письме Ключева к тому же адресату (июль — август 1936 года): «Я писал Вам в начале марта. Письмо со вложенным карточкой Федора Кузьмича, Томского легендарного старца. Получили ли Вы его?» (ИРЛИ, р. 1, оп. 12, ед. хр. 534, л. 27 об.). Текст письма 21 предоставлен М. С. Ивановой.

² Это письмо, по-видимому, утрачено; среди находящихся на государственном хранении писем поэта Н. Ф. Христофоровой-Садомовой его нет.

³ Артист — Садомов Анатолий Николаевич (1884—1942), солист Вольшого театра (бас), муж адресатки ключевского письма. В 1932 году поэт подарил А. Н. Садомову свою книгу «Изда и поле» со следующей надписью: «Светлому русскому артисту Анатолию Николаевичу Садомову ларец песенных самоцветов преподношу в благодарность за хлеб соль в черные дни моей жизни Н. Ключев. (Милосердие и русская поэзия будут Вам благодарны.) 1932 г. Москва» (ИРЛИ, р. 1, оп. 12, ед. хр. 536).

⁴ О театре поэт не раз вспоминал в своих сибирских письмах: «В Колпашеве театра нет. Хотя часто сердце щемит от необходимости побывать в нем, но приходится ублаживать себя прошлыми видениями» (Н. Ф. Христофоровой-Садомовой, 28 июля 1934 года. — ИРЛИ, р. 1, оп. 12, ед. хр. 534, л. 8 об.); «В театре здесь (то есть в Томске. — Г. К., С. С.) идет оперетта: «Цыганский барон», «Марица» и т. п. Поэт Дарский, Лидарская — что я слышал краем уха о них — но не знаю их, как артистов» (ей же 22 февраля 1935 года. — «Красное знамя» (Вытегра), 19 октября 1985 года).

22. В. Н. ГОРБАЧЕВОЙ

«Томск, июль (не ранее 5-го) 1936 г.»

«Очнулся» как от летаргического сна, «дорогая Вар» Николаевна. Четыре ме<сяца> был прико<ван> к постели: разбит пара<ulich>м и совершенно беспо<мо>щен. Отнялась <левая рука>¹ и нога и левый глаз закрылся <несколько слов утрачено>² сослать в Туруханский край <несколько слов утрачено>³ мои не выдержали, к тому же я непоправимо болен пороком сердца в тя-

желой форме. Все это удостоверили врачи по распоряжению местного Н. К. В. Д. Теперь я в своей комнатке среди чужих людей, которым я нужен, как собаке пятым ногой. День и ночь лежу, сегодня первый раз сполз к столу и, обливаясь потом от слабости, пишу Вам: сходите к прокурору республики⁵ — просите его на основании моей непоправимой болезни освободить меня досрочно. Возьмите меня на свое иждивение — это ровно Вас ни к чему не обязывает и нужно лишь официально. Не бойтесь. Я не утружу Вас. Без человека же и бумажки о том, что кто-то меня больного берет на иждивение, — не освобождают, а заключают в лагерь для инвалидов до смерти. А это равносильно тюрьме. Умоляю не откладывать хлопот — так как великое мое несчастье в лице новой ссылки может всегда и неожиданно повториться⁶. Моя тяжкая болезнь сибирскому начальству не помеха. Несмотря на то, что существует определенная статья по болезни досрочно <освободить>. Болезнь же моя превышает пр<одо>лжительностью всякой статьи. П<рошу подать> заявление и Калинин. Ес<ли будет из> Москвы хотя бы слабое дунов<ение милости,> то меня не казнят. Облива<юсь потом,> очень слаб. Кругом ждуть <несколько слов утрачено> денег нет. На беду появился аппетит. Кланяюсь милому Журавлю. Тоскую невыразимо, под несметными изъятыми мухами — лежу в духоте, давно без бани, вымыть некому, накормить тоже. Левая рука висит плетью. На ногу маленько ступаю. Она распухла, как корчага⁷. Помогите, чем можете! Жду весточки⁸. Кланяюсь со слезами. Заранее сердцем благодарен. Адрес: Переулоч Красного Пожарника, 12.

Долго был без памяти, да и сейчас много не помню.

Простите. Не осудите.

Н. Клюев.

¹ Датируется с учетом следующих строк письма поэта Н. Ф. Христофоровой-Садомовой (июль — август 1936 года): «С марта месяца я прикован к постели. Привезли меня обратно к воротам домишка, в котором я жил до сего, только 5-го июля» (ИРЛИ, р. I, оп. 12, ед. хр. 534, л. 27). Левый верхний угол листа письма 22 утрачен. Текст реконструируется предположительно, в сопоставлении с другими письмами Клюева.

² Ср. со строками из письма, цитированного в прим 1: «В своем великом несчастье я светел и улыбив сердцем. Я посещен трудной болезнью — параличом левой стороны тела. Не владею ни ногой, ни рукой. Был закрыт и левый глаз. Теперь я калека. Ни позы, ни ложных слов нет во мне. Наконец настало время, когда можно не прибегать к ним перед людьми, и это большое облегчение» (ИРЛИ, р. I, оп. 12, ед. хр. 534, л. 27).

³ Это место письма (в целом) реконструируется (с большей или меньшей степенью вероятности) так: «<Если бы решили> сослать в Туруханский край. <этого бы ноги> мои не выдержали...»

⁴ В. Н. Горбачева выполнила просьбу поэта, побывав на приеме в прокуратуре республики в конце июля — начале августа 1936 года. Очевидно, она сообщила об этом Клюеву, ибо 10 августа он (иносказательно) дает свою оценку результатам этого визита (см. следующее письмо).

⁵ Ср. место из письма 20, сопровождаемое прим. 21.

⁶ Из письма поэта, цитированного в прим. 1 и 2: «Я немного стал бродить от койки до стола и до рукомойника. Очень тяжело на чужих людях хворать. Каждую минуту жди ворчанья и оскорбления. Таков мой крест. Господь меня не забывает, посещает и пасет меня своим жезлом железным!» (ИРЛИ, р. I, оп. 12, ед. хр. 534, л. 27 об.).

⁷ Кроме письма, ответ на которое поэт написал 10 августа (письмо 23). В. Н. Горбачева (по-видимому, сразу же) по получении данного клюевского письма (24 июля 1936 года) отправила ему телеграфный перевод на 95 рублей (квитанция в АК).

23. В. Н. ГОРБАЧЕВОЙ

<Томск,> 10 августа <1936 г.>

Дорогая Варвара Николаевна.

Получил Ваш перевод телеграфом¹ и письмо, принял с глубоким сердечным волнением. Благодарю, что не забываете меня несчастного. Благодарю и за хождение и хлопоты Ваши! Я не каждый день могу встать с кровати. Когда опухоль с ног немного спадет, тогда я чувствую себя пободрее. Но письмо написано было давно, только некому его снести на почту и не было конвертов. Что мой дядюшка был с Вами суров², то это доказывает, что он все-таки считал Вас более и<ли> менее за представителя общественного мнения, в частности литературных и художественных кругов. Иначе ведь нельзя. Немножко удивляет, что мое писание понадобилось для его архива. Оно ведь не ему предназначалось³. Пусть так. Теперь посылаю заявление — с горячей просьбой отослать его, как

Вы советуете, прямо⁴. Если мне послать здесь с таким громким адресом, то оно до Москвы не дойдет. Потрудитесь послать по городской почте. Не знаю только, заказным или простым. На заказном нужно писать адрес отправителя, и я затрудняюсь, можно ли в Москве — с Томским адресом. Потрудитесь спросить на почте. Если нельзя, то пошлите простым. Быть может, и будет что хорошее. Слезы заливают мне лицо. Думаю, что эту зиму я не переживу и не дождусь нового зеленого шума — в этот год я не видел весны, а лето вижу с жалкого двора, когда меня вытащат посидеть на вечерке у поленички дров⁵. Давно не бывал в бане, она от моей избы далеко и дорога оврагами — мне не дойти. Все тело искувано клопами и расцарапано нестерпимым чёсом. С сентября открывается клиника — быть может, примут на лечение, если я смогу платить шесть рублей в сутки! Вы пишете, что послали мне на больницу 30 руб. Я получил 20 руб., а от кого, мне не сказали. Там этого не сообщают⁶. Но за все благодарю со слезами.

Как бы мне хотелось услышать что-нибудь от милого Журавиного Гостя⁷! Как он живет и как его певучая душенька? Что волнующего в искусстве? Я написал поэму и несколько стихов, но у меня их уже нет⁸: они в чужих жестоких руках. Быть может, нападете на след Толечки — передайте ему от меня низкий поклон. На Ваше письмо, в котором Вы писали, что Толя был у Вас очень модный и пьяный успехами, я написал Вам свою обиду на него. Получили ли Вы такое письмо⁹. Что слышно о П. Васильеве? Где он?¹⁰ Как бы я хотел иметь Мадур-Вазу¹¹: почитал бы с упоением! У меня были с трудом приобретенные кой-какие редкие книги и старинные иконы¹² — мимо которых я, как художник, не могу пройти равнодушно, но и они с злополучного марта месяца в чужих руках¹³. Сибирь объясняет знание древнего искусства — вульгарным церковничеством. Иное понимание этих вещей не входит здесь никому в сознание. Вот тебе и университетский город! Мне ставится в вину — конечно, борода и непосещение п<и>вного зала с уединенными прогулками в сумерки за городом (я живу на окраине). Посещение прекрасной нагорной церкви 18го века с редкими образами для ссыльного чудовищное преступление¹⁴! Не знаю, в теле или без тела, наяву или во сне, но мне в этой церкви — на фоне северной резьбы и живописи — несколько раз являлась моя покойная мать, — вся как лебединое перышко в синеватых радугах, утешала меня и утирала мои слезы неизреченно ароматным и нежно-родимым платочком¹⁵. Извините, что рассказываю Вам неделовое, но поверьте, что это не лирика, а самая живая — жизнь. Прошу Вас не оставить меня недостойного без милостыни, без весточки! Целую всех милосердных и про запас прощаюсь. Прощайте!

¹ См. письмо 22, прим. 8.

² См. письмо 22, прим. 5.

³ По-видимому, речь идет об одном из заявлений Ключева во ВЦИК.

⁴ Очевидно, новое заявление поэта (адресованное скорее всего в прокуратуру республики) было послано одновременно с данным письмом.

⁵ Ср. строки из письма к Н. Ф. Христофоровой-Садомовой, написанного примерно в то же время (август — сентябрь 1936 года): «Я уже хожу по избе и за всякой своей нуждой, но все-таки больше лежу. Иногда приливает тоска к сердцу. Хочется поговорить с милыми друзьями, послушать подлинной музыки!.. За досчатой заборкой от моей каморки — день и ночь идет современная симфония — пьянка, драка, проклятия, — рев бабий и ребячий и все это покрывает доблестное радио. Я, бедный, все терплю. Второго февраля стукнет три года моей непригодности в члены нового общества! Горе мне, волку ненасытному! всю жизнь я питался отборными травами культуры — философии, поэзии, живописи, музыки... всю жизнь пил отблеск, исходящий от чела избранных из избранных, и когда мои внутренние сокровища встали передо мной как некая алмазная гора, тогда-то я и не погодился. Но всему свое время; хотя это весьма обидно» (ИРЛИ, р. 1, оп. 12, ед. хр. 534, лл. 28—28 об.).

⁶ В апреле 1934 года В. Н. Горбачева по просьбе поэта отправила ему в Томский изолятор телеграфный перевод (см. письмо 6, прим. 3). В ответ на ее вопрос, получил ли он этот перевод, Ключев писал так: «Ваших 50 руб. в Томске я, вероятно, получил, но мне не объявляли, от кого получение, — таков острожный режим» (письмо 6), — параллель с данным местом комментируемого письма не только очевидная, но и не случайная (см. ниже).

⁷ См. письмо 18, прим. 6.

⁸ Вместо слов «уже нет» первоначально было «отобрали»; см. также письмо 20, прим. 27.

⁹ Письмо 20.

¹⁰ Летом 1936 года П. Васильев побывал в Средней Азии и в Омске.

¹¹ См. письмо 2, прим. 6.

¹² Здесь Ключев (единственный раз в известных нам письмах из Сибири) сообщает, по существу, о том, что деньги, получаемые им от друзей, шли не только на телесные, но и на духовные его нужды. Из этих слов поэта следует, что и в Сибири он стремился обустроить свое жилище в том старорусском духе, который был так близок его сердцу. Об одной из своих новоприобретенных древнерусских рукописных книг он писал (в письме, цитированном в прим. 5) так: «Я сейчас читаю удивительную книгу. Она писана на распаренном берёсте (от слова «берёсто». — Г. К., С. С.) китайскими чернилами. Называется книга Перстень Иафета. Это ничто другое, как Русь 12-го века до монголов. Великая идея Святой Руси как отображения церкви небесной на земле. Ведь это то самое, что в чистейших своих снах провидел Гоголь, и в особенности он — единственный из мирских людей. Любопытно, что в 12-м веке сорók учили говорить и держали в клетках в теремах, как нынешних попугаев, что теперешние черемисы вывезены из Гипербореев, т. е. из Исландии, царем Олафом Норвежским, зятем Владимира Мономаха. Им было жарко в Киевской земле, и они отпущены были в Колывань — теперешние Вятские края, а сначала содержались при Киевском дворе, как экзотика. И еще много прекрасного и неожиданного содержится в этом Перстне. А сколько таких чудесных свитков погибло по скитам и потайным часовням в безбрежной Сибирской тайге?» (ИРЛИ, р. I, оп. 12, ед. хр. 534, л. 28 об.).

¹³ Уже второй раз в этом письме поэт говорит о «чужих руках». Это повторение вкрупне с упоминанием о больнице, в которой при получении большим денежного перевода не сообщают ему о том, кто послал деньги (см. прим. 6), на наш взгляд, имело целью довести до адресата истинное положение дел — Ключева лечили в больнице, находящейся на «острожном режиме». Подтверждение тому, что поэт был тогда арестован, содержится в письме В. Ф. Кропанева (см. письмо 20, прим. 2), рассказывающего со слов матери (И. И. Кропаневой): «Вы спрашиваете, не лежал ли в больнице, не ездил ли куда, не отлучался ли куда-нибудь из дома Н. А. Ключев. Нет, никуда он не отлучался. Его арестовали, приехали ночью и увезли, как и многих других в то время. Мать видела, как это происходило, да и съезъ заборку все было слышно. Было это зимой, месяц она не помнит (первая половина марта в Томске — это еще зима — Г. К., С. С.)» (из письма В. Ф. Кропанева С. И. Субботину от 12 апреля 1985 года). Намек на этот арест, кажется, есть и в словах из не дошедшего до наших дней письма Ключева Н. Ф. Христофоровой-Садомовой, приводимого ею в воспоминаниях о поэте: «Если меня еще раз обидят и арестуют, — я этого уже не вынесу, т[ак] к[ак] сердце мое уже не выдержит страданий; поминать тогда меня „на погосте“» (ИРЛИ, р. I, оп. 33, ед. хр. 100, л. 11; разрядка наша. — Г. К., С. С.). В больницу Ключев попал, очевидно, уже в тюрьме, а затем (вероятно, было учтено состояние его здоровья) был возвращен на прежнее место жительства. Заметим, что последний арест поэта состоялся летом 1937 года, когда он жил уже на другой квартире (см. ниже — письмо 28, прим. 6).

¹⁴ Скорее всего Ключев пересказывает здесь содержание своих «бесед» с лицами, которым он был подотчетен в Томске как политический ссыльный (говоря его словами, с «Томским начальством»).

¹⁵ Ср. с «шестым сном» поэта в изложении Н. Ф. Христофоровой-Садомовой: «Маменька сейчас здесь была; она вошла в эту дверь (из коридора), вся в белом, как невеста, и в фате, и вся обрызгана как бы дождевыми каплями. Войдя в эту дверь, она сказала: „Христос Воскресе! По этой страшной дороге я исколота все ноженьки! И что же вы делаете — не правите по мне панихид? Ведь Зорифер ходит по земле и налагает на всех язвы. Вы все перехвораете, а у тебя и ноги отгнинуты!“. Далее Н. Ф. Христофорова-Садомова добавляет: «Он <...> долго был под влиянием этого пророческого сна: как видно из последних событий его жизни — перед смертью в тюрьме у него действительно был паралич обеих ног» (ИРЛИ, р. I, оп. 33, ед. хр. 100, лл. 22—23).

24. В. Н. ГОРБАЧЕВОЙ

«Томск, 25 октября 1936 г.»

Приветствую Вас, дорогая Варвара Николаевна! Я все еще лежу. Хожу очень плохо — едва до скамеечки у ворот, чтоб после общей избы, криков и брани — подышать сибирскими тучами, снегом ранним, каким-то лохматым и густосивым, посмотреть на звезды и на санцах памяти прокатиться по прошлому. Вот уже скоро три года — мрачных, мучительных и тяжелых (как жернов на шее), как я в изгнании, а теперь и калека... Умываюсь слезами. Огорчений каждый день не предусматривать. Я беспомощен что-либо промыслить и сделать для себя по пропитанию. Анна Исаевна — моя хозяйка по квартире, властная базарная баба, — взялась меня кормить за 75 р. в месяц. На исходе месяца начинаются справки — получил ли я перевод и т. п. Следом идут брань, придирки. Очень тяжело. Слез моих не хватает. И я лежу, лежу... С опухшей, как бревно, ногой, с изжелта синей полумертвой рукой. Напишите мне весточку; Ваши слова мне очень помогают! Я послал Вам спешное письмо ¹ с новым заявлением. Волну-

юсь, жду ответа. На это спешное от Вас извещение я не получал. Весьма беспокоюсь. Как Вы поживаете? Все ли у Вас благополучно? Какие новости в искусстве? Я ничего не знаю и не слышу. Вам говорили, что Томск город университетский. Для кого — как, а для меня это пустыня, гнище Иова². Для кого озеро Лаче, а для Даниила Заточника³ оно было озером плача. Большая охота поговорить с поэтом художником. Трудно, конечно, представить, как я придавлен и как болят мои язвы. Как бы подержаться еще на поверхности? — какие существуют для этого средства? Переслано ли «непосредственно» мое заявление?⁴ Прошу Вас, уделите полчаса от своих забот и трудов, — напишите мне! Всякое слово из Москвы для меня ценно, порождая целый хоровод видений и выводов. Очень прошу Вас о милостыне и о письме! Нельзя ли где раздобыть мне смену — две белья — хотя платанного⁵, нет у меня теплой шапки и ничего на руки. Если попадется шапка, то самого большого размера — у меня голова большая, 15 вершков в окружности. Конечно, здесь можно и купить, но для этого нужно самое малое 25 рублей на ушанку овечью <одно слово врзбр>, которая только и спасает от сибирских морозов и пурги. Не знаете ли адреса Толи — раз он очень модный, то может быть, он мог бы что-либо купить из моего барахла себе на память обо мне и моей судьбе. Нельзя ли предложить чего Обуховой: Брюсовский пер., дом 7?

Низко вам всем кланяюсь. Погибну, — поминайте и верьте моей любви к вам и истинной теплоте сердеч<ной>. Еще раз прошу о милостыне и о письме — как Вы поступили с моим спешным письмом?

25 октября⁶.

¹ Других писем, датированных августом, сентябрем или октябрём 1936 года, кроме писем 23 и 24, в АК не обнаружено.

² О библейском персонаже Иове см.: «Мифы народов мира. Энциклопедия». М. 1980, том первый, стр. 553—554.

³ О Данииле Заточнике и его «Молении» см.: «Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1 (XI — первая половина XIV в.)». Л. 1987, стр. 112—115.

⁴ См. письмо 23, прим. 4.

⁵ То есть заплатанного (или латаного).

⁶ Та же дата стоит и под одним из сохранившихся писем Клюева Н. Ф. Христофоровой-Садовой, вторая половина которого во многом совпадает с комментируемым письмом. Однако первая его часть написана в совершенно иной тональности, демонстрирующей — вопреки немощи тела поэта — силу его духа:

«Дорогая Надежда Федоровна! Будьте благосклонны к предварительным стихам греческого поэта Феогнида! Жил в половине шестого века до нашей эры. Мне попались из него отрывки (в переводе В. В. Вересаева. — Г. К., С. С.) и очень меня поразили:

Слишком в беде не горюй и не радуйся слишком при счастье!
То и другое умеи доблестно в сердце нести!

Сердце! Не в силах тебе я доставить, чего ты желаешь.
Нужно терпеть: красоты хочешь не ты лишь одно!

Не было, нет и не будет вовек человека такого,
Кто бы в Анд низошел, всем на земле угодив!

Радуйся жизни, о дух мой! Появятся скоро другие
Люди, а я, умерев, черною стану землей!

Ведность проклятая! Как тяжело ты ложишься на плечи!
Как развращаешь зараз тело и душу мою!
Я так люблю красоту и молитву, а ты против воли
Учишь насильно меня грех возлюбить и позор!

Это классическое язычество, а вот тропарь Роману Сладкопевцу: «Се питаеши красными песнопениями помыслы наши и исполниши сладости божественныя — паче всего богатства мира, пищи и пития тленных! Цитра золотая, нищетою богатая!»

Я так нищ, что, оглядывая на себя, удивляешься чуду жизни — тому, что ты еще жив. На меня, как из мешка, сыплются камни ежечасных скорбей от дальних и лжебратий и ближних — с кем я живу под одной крышей. Но как ветром с какой-то ароматной Вифан<ии> пахнет иногда в душу цитра золотая, нищетою богатая! Я все более

и более различаю эту цитру в голосах жизни. Все чаще и чаще захватывает дух мой ненаглаголанная музыка. Ах, не возвратиться бы назад в глухоту и немоту мира! Как блаженно и сладостно слушать невидимую цитру!

Вот еще из русских гимнов. Из письма Иоанна Кронштадтского:

Как тебе приятно, как весело
Сидеть под цветущей яблоней,—
Она проста — потому и счастлива.
Бог прост и душа проста.
Какая радость знать это!

Я не пишу никаких произвольных выводов от себя. Но не могу не поделиться с Вами этим небесным бисером. А уж выводы сделайте сами.

<...> Очень тяжело. Только ночью, уже часа в 3—4, я начинаю отходить от дневной брани и избяных криков и... для бедной души моей играет Роман Сладкопевец на своей золотой цитре, и я засыпаю счастливым» (ИРЛИ, р. I, оп. 12, ед. хр. 534, лл. 26—28 об.).

25. В. Н. ГОРБАЧЕВОЙ

«Томск, 3 декабря 1936 г.»

Привет, привет!

Переводы получил¹. Благодарю сердечно. Здоровье плохое. Еще на улице не хожу. Больше лежу. Очень обидно. Кланяюсь милому Журавлю! 3 «декабря»².

Егорушке привет.

Как мое второе заявление?!³

¹ Отправлены телеграфом 30 октября 1936 года (80 рублей) и 24 ноября 1936 года (50 рублей). Квитанции отправки — в АК.

² В оригинале описка — «ноября». Правильная дата и год отправки установлены по почтовому штемпелю на данной открытке.

³ Вероятно, имеется в виду заявление, упомянутое в письме 24 (строки, сопроводительные прим. 1).

26. В. Н. ГОРБАЧЕВОЙ¹

«Томск, 22 декабря 1936 г.»

...пластинка на кромке этой лавицы² гласит об этом. Ее предложили бы Вы своей маме, быть может, она бы ее приобрела. Предложите складень Николаю <Семеновичу>³ Голованову — Брюсовский пер., № 7, по цене, какую он сам назначит, ну хотя бы 700—600 руб. Он когда-то у меня покупал его, но списаться так трудно. Быть может, Ваше письмо дойдет до него. То-то была бы для меня радость, и даже с теплым углом, на 9ти месячную зиму. Я содрогась — куда я попаду!⁴ В жакты я не имею права, у частников нужно искать по слободкам и трущобам на окраине города, а там зловонные татары и страшный культурный люмпен-«и». Если выкрадут у меня мои полупудовые, усеянные бесчисленными заплатами, — валенки, то я погибну! Когда-то денди⁵, еще без успехов и денег, был совестливей и так или иначе обул меня в эти бегемоты, — они мне кажутся теплым раем. Слез моих не хватает от жестокостей моего пути до кладбища. На мое заявление ничего не слышно. Получил обрывок письма Льва Пулина⁶ — очень обрадовался. Недоумеваю, что он ищет меня, прекрасно зная мой адрес! Я писал два заявления его начальству по заточению, но ответа не получил. А он уже давно на воле. Спасибо, что не забыл! Это очень нежный и слабый человек. Как он сохранился — просто чудо!

Объявился и Васильев, или пишет из тюрьмы? Что Литгазеты назвали его бездарным — это ничего не доказывает. Поэт такой яркости, обладатель чудесных арсеналов с кладенцами, может оказаться бездарным совершенно по другим причинам (так сказал один мудрый китаец). Мне бы очень хотелось прочесть бездарные стихи Павла. Хотя он и много потрудился, чтобы я умолк навсегда⁷. Передайте ему, что я написал четыре поэмы⁸. В одной из них воспет и он, не как негодяй, Иуда и убийца, а как хризопраз самоцветный! Извините еще за просьбу: если устроите мои вещи — то нельзя ли купить мне мануфактуры черного на верхнюю рубаху 3½ метра и белого или в полоску на две нижних рубахи по 3½ метра и кальсоны, — на мне одни лохмотья, а купить здесь

нечего. Еще мне нужны теплые трикотажные кальсоны (большого размера), теплые носки и хотя бы парочка носовых платков и наволочек. О простыне и не мечтаю. Еще раз Вам кланяюсь земным поклоном. Напишите дяди или скажите, что он слишком занят и опоздает на мои похороны.

Адрес пока прежний.

22 декабря

36 г.¹⁰.

Кланяюсь друзьям.

¹ Первая половина письма (первый лист) в АК не найдена.

² Речь идет о скамье, принадлежавшей поэту. См. о ней также в письме 11.

³ В оригинале описка: «Степан[овичу]». Об этом же Клюев писал в письме 10.

⁴ Очевидно, в первой половине этого письма Клюев сообщал о предстоящей ему перемене жилья.

⁵ Речь идет об А. Н. Яр-Кравченко.

⁶ См. письмо 14, прим. 6.

⁷ В это время П. Васильев был в Москве.

⁸ См. письмо 18, прим. 4.

⁹ Эти произведения неизвестны.

¹⁰ В АК сохранился конверт от этого письма. В Москву оно пришло 27 декабря 1936 года (почтовый штемпель). А накануне — 26 декабря — В. Н. Горбачева отправила в Томск почтовый перевод на 50 рублей (квитанция в АК).

27. В. Н. ГОРБАЧЕВОЙ

«Томск, вторая декада апреля 1937 г.»¹

Приветствую Вас от всего сердца, дорогая Варвара Николаевна! Благодарю со слезами за помощь, за 100 и 50!² Время делает свое, и я все реже и реже получаю милостыню от своих милых и кровных. Осталось еще полтора года³. Вероятно, они будут самые тяжелые без помощи, при моем нездоровьи. Все три последних месяца я не слезал с постели — от тяжело «го» гриппа, теперь хо-жу, но плохо, и глубокий непрерывный бронхит истерзал меня. На великую беду Толечка⁴ обещал платить за лучшую и теплую комнату, я поверил, переехал, но теперь меня гонят за неуплату. Обещание осталось лишь словами. Неимоверная горечь на мои старые раны!

У вас там весна, а здесь мороз, — едва почернела дорога. Если возможно, не оставьте меня на праздники без милостыни! Прошу и молю Вас! Если зайдет милый Толечка — поговорите с ним о ковре. Скажите ему, что не было бы для меня лучшей радости знать, что мой любимый и заветный ковер укрывает его комнату! Но он ведь при деньгах, знает мое исключительно горемычное положение, почему же он уклоняется от уплаты за него каких-то грошей?! Прошу Вас передать ему точно эти слова! На днях уйду опять в конуру за 25 руб., полутемную и сырую⁵. И то слава Богу. Город не имеет жилплощади. Крепко обнимаю Журавинного Гостя, большим крестом благословляю крестника. Земно кланяюсь Вам! В предыдущем письме⁶ я просил Вас раздобыть мне что-либо из белья. На мне одни лохмотья! Восемь месяцев не был из-за болезни в бане. Самому не дойти, а помочь некому. Прощайте. Живите. Прошу о весточке!⁷ Адрес можно: Марнинский пер., 38, только заказным письмом, простое не передадут. Такие варнаки около меня.

¹ Датируется по сопоставлению содержания письма с квитанциями переводов в Томск, сохранившимися в АК: почтовый на 50 рублей (5 апреля 1937 года) и телеграфный на 36 рублей (25 апреля 1937 года). Кроме того, данное письмо написано на той же бумаге, что и письмо поэта Н. Ф. Христофоровой-Садомовой от 6 апреля 1937 года. Приводим начало последнего (сопровожденного двумя эпиграфами):

«Х. В.

Из книги «Моя жизнь во Христе»
о. Иоанна Кронштадтского.

Благородного и возвышенного духа тот человек, который благостно и щедро рассыпает всем свои дары и радуется, что он имеет случаи сделать добро и удовольствие всякому, не думая о вознаграждении за то. Благородного и возвышенного духа тот человек, который никогда не зазнается с часто посещающим его и пользующимся его милостыней человеком. Не охладевает к нему в мыслях своих, но всегда считает его таким, каким считал при первой встрече с ним. А то мы обыкновенно охлаждаем к

тому, кто часто пользуется нашей помощью, так сказать, насыщаемся им, и становимся равнодушными к нему именно в ту ночь, когда всего для него нужнее милосердие, когда, связавши, его поведут во внутренний двор Пилата.

Из книги Разум Цветов (Метерлинка).

Я смотрю на луг, горящий маком, резедой, колокольчиком... Что ждет меня по ту сторону хрупкой иллюзии, которая зовется существованием? В мгновение ока, когда остановится сердце, начинается ли вечный свет или бесконечный мрак? Хрупкие цветы учат нас почувствовать то, что мы вечны. Пчелы знают ароматы рая, мы можем знать сладостный труд цветка, подающего пчеле от того, что он имеет!

Дорогая Надежда Федоровна!

Поздравляю Вас с весенним солнцем! С Воскресением Матери сырой земли. Давно не получал от Вас весточки. Писали Вы мне, что собираете посылку, но я беспокоюсь, что ее нет и нет! Как Вы поживаете, здоровы ли? Я последние три месяца не вставал с койки — все болел и болел. Время делает свое — все реже и реже приходит мне милостыня и вести от моих далеких друзей, а ведь осталось еще не так много — полтора года, если я их вынесу — продержусь, то я и спасен, если Бог грехам потерпит, поэтому прошу Вас — подайте мне милостыню, если это возможно! Если бы не помощь тех, кто ничего не имеет, таких же горемычных, как я, недостойный, то уже наверно бы я сокрушился и стал бы черной землей... Но Обрадованная Мария делится со мной мало-мало радостью. Одно дуновение края ризы Маринной, <и> я встаю и отряхаюсь, как орел после линяния и сброски старых отживших перьев. Какой радостью-светом полнится мое сердце! Помогите мне ради «Днесь весна ликует!». Волною морское омоет и мою душу. Не оставьте без праздника, когда о тебе радуется, Благодатная, всякая тварь!» (ИРЛИ, р. I, оп. 12, ед. хр. 534, лл. 30—30 об.).

¹ Почтовый перевод на 100 рублей, отправленный 28 января 1937 года, и упомянутый в прим. 1 перевод от 5 апреля 1937 года (квитанция в АК).

² Срок пятилетней ссылки поэта истекал 2 февраля 1939 года. Ни в одном из известных нам писем Клюева из Сибири нет указаний на то, что ему сократили этот срок с пяти до трех лет, о чем недавно можно было прочесть в журнале «Дружба народов» (1987, № 12, стр. 137) и в альманахе «День поэзии '87» (М. 1987, стр. 209).

³ См. письмо 26, прим. 5.

⁴ Адрес последнего места жительства Клюева в Томске — см. письмо 28.

⁵ Письмо 26.

⁶ Очевидно, сразу по получении этого письма В. Н. Горбачева послала в Томск телеграфный перевод, упомянутый в прим. 1.

28. В. Н. ГОРБАЧЕВОЙ

<Томск, 3 мая 1937 г.>

Дорогая Варвара Николаевна, приветствую Вас и Егорушку и милого Журавинного Гостя. Теперь вы все, верно, на даче — на своем старом балкончике, — где стихи с ароматом первой клубники, яблони цветут. Моя весна до Николы¹ с ледяным ветром, с пересвистами еловых вершин. Перевод (30) получил² — благодарю, да будет светлой Ваша весна! Прошу Вас поговорить по телефону или написать поподробней Надежде Андреевне³ о покупке ковра, что он подлинно персидский, старый, крашен не анилином, ремонту лишь руб[лей] на 25^т. Я писал своему племяннику⁴, умолял его о ковре за 400 руб., но ответа не получил⁵. Если его увидите, то скажите эти условия. Я очень нуждаюсь. Здоровье тяжкое. Адрес новый: Старо-Ачинская ул., № 13⁶.

¹ Никола Вешний празднуется 9 мая старого стиля.

² Отправлен из Москвы почтой 26 апреля 1937 года (квитанция в АК).

³ Н. А. Обуховой.

⁴ См. письмо 26, прим. 5.

⁵ Ковер остался в семье Клычковых. В октябре 1986 года он был передан на родину Клюева, в Вытегорский краеведческий музей (см.: Стафеев Н., «В дар музею». — «Красное знамя» (Вытегра), 6 ноября 1986 года).

⁶ Эта открытка пришла в Москву лишь 30 мая (почтовый штемпель). Более поздних писем Клюева в АК не найдено. Однако, поскольку 12 июля В. Н. Горбачева отравила поэту почтовый перевод на 130 рублей (талон в АК), можно предположить, что до этого дня она получила по крайней мере еще одно письмо из Томска и, следовательно, в конце июня — начале июля 1937 года Клюев был еще на свободе.

31 июля 1937 года С. А. Клычков был арестован. А 27 августа в Москву из Томска вернулись посланные Клюеву 12 июля деньги (почтовый штемпель на талоне перевода в АК). Очевидно, В. Н. Горбачева тут же отправила поэту телеграфный запрос с уведомлением о вручении, поскольку в АК имеется ответная телеграмма следующего содержания: «<...> Горбачевой В. Н. Москва — Ваш 19/90 28/8 Староачинский 13 Клюеву не доставлена адресат не проживает». Эту телеграмму, которая фактически являлась сообщением о том, что Клюев изолирован, В. Н. Горбачева получила 31 августа 1937 года — ровно через месяц после ареста мужа.

До недавнего времени исходным источником о самых последних днях жизни Клюева была (в отечественной литературе) статья Вл. Орлова «Николай Клюев» («Литературная Россия», 25 ноября 1966 года), в свою очередь восходящая к посмертно опубликованным мемуарам Р. В. Иванова-Разумника «Писательские судьбы» (Нью-Йорк, 1951). Именно из этих работ и берет начало распространенная легенда о смерти поэта на одной из железнодорожных станций от сердечного приступа и об исчезновении бывшего при нем чемодана с рукописями (ср. также: Чивилихин В. Над уровнем моря. Пять повестей. М. 1987, стр. 598).

Нам известны три независимых мемуарных свидетельства, которые, не совпадая друг с другом в деталях, сходятся в главном — Клюев погиб в томской тюрьме. В. В. Ильина, в семье которой бывал поэт (см. письмо 18, прим. 2), закончила свои воспоминания о нем такими словами: «Летом 1937 г. в Томске наступила полоса арестов. Я жила в деревне и с ним не встречалась. Прощел слух, что он расстрелян как духовное лицо. Мне это кажется мало правдоподобным» (ИРЛИ, р. I, оп. 11, ед. хр. 138, л. 7). Н. Ф. Христофорова-Садомова вспоминает: «К нам <...> зашли двое мужчин, сказали, что они проезжают через Москву из Томска, и зашли сообщить, что Клюев Николай Алексеевич скончался в томской тюрьме. Ничего не добавив, ушли» (ИРЛИ, р. I, оп. 33, ед. хр. 100, л. 11). Известный ленинградский коллекционер М. С. Лесман (1902—1985) читал в 1985 году А. Л. Казакову воспоминания священника, слышавшего рассказ очевидца о гибели человека, похожего на Клюева, в тюремной бане (сообщено нам А. Л. Казаковым; эта версия нашла недавно отражение в размышлениях В. Личутина о русском характере «О горе-злосчастии»: «Октябрь», 1987, № 10, стр. 168).

Официальная справка Томского областного архива ЗАГС от 1 февраля 1983 года (№ 157), выданная С. И. Субботину, гласит: «На Ваше заявление от 20 января 1983 года Томский областной архив ЗАГС сообщает, что актовая запись о смерти на гр. К л ю е в а Николая Алексеевича за 1937—1941 годы по городскому ЗАГС г. Томска не обнаружена. Заведующая областным архивом ЗАГС З. В. Шахворостова (подпись)» (архив С. И. Субботина).

Этот факт, конечно, не может рассматриваться как опровержение свидетельств современников Клюева — ведь поэт умер не у себя дома и не на больничной койке... Очевидно, установление точных даты и места его кончины — дело будущего.

Публикация, вступительная статья,
подготовка текстов и комментарии

Г. С. КЛЫЧКОВА и **С. И. СУББОТИНА**.

Когда подготовка писем Клюева к печати была уже близка к завершению, скоропостижно скончался Георгий Сергеевич Клычков — Егорушка, не раз упоминаемый в этих письмах... Сын С. А. Клычкова, клюевский крестник, талантливый ученый-лингвист, он был в последние годы жизни профессором Московского областного педагогического института, возглавляя одну из кафедр филологического факультета МОПИ. У него было много учеников, которые никогда не забудут, как умело, ненавязчиво направлял Георгий Сергеевич их первые шаги в науке. Он был удивительным человеком: деликатным, добрым, щедрым, простым в обращении — и не защищенным от зла, хамства, не порядочности, сильно ранивших его. Он являл собой тот (редкий ныне) тип русского интеллигента, который сложился еще в прошлом веке. Больно сознавать, что с уходом Георгия Сергеевича из жизни так внезапно прервалась еще одна нить, связующая прошлое отечественной культуры с ее настоящим и будущим.

С. СУББОТИН.